
УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. Wyszogrodzka, 16

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zł.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Teoria i praktyka-znaczenie badań naukowych. (29.07.2013 - 31.07.2013) - Lublin: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013. - 100 str.

ISBN: 978-83-63620-07-3 (t.5)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji 29.07.2013 - 31.07.2013 roku. Lublin.

Część 5.

УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

ISBN: 978-83-63620-07-3 (t.5)

"Diamond trading tour" ©

**SPIS /СОДЕРЖАНИЕ
СЕКСЈА 22. FILOLOGIJE.
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

1. Тодуа М.	5
БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ГРУЗИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ	
2. Лесько Х.С.	9
МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ТА ПРИНЦИПИ ДОСЛІДЖЕННЯ ДЕМІНУТИВІВ / АУГМЕНТАТИВІВ. НА МАТЕРІАЛІ ІСПАНСЬКОГО МАС-МЕДІЙНОГО ДИСКУРСУ	
3. Alavidze M.B.	13
COMMUNICATIVE NOTION OF IMPLICIT CONTENTS OF A TEXT	
4. Арбузова Н. В.	17
ДИГЛОССИЯ КАК ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ	
5. Bublyk T. Ye.	20
METHODOLOGICAL BASIS OF MEDITATIVE PARABLES RESEARCH	
6. Куренкова Т.Н.	23
К ВОПРОСУ О РАЗГОВОРНОМ СТИЛЕ ЯЗЫКА	
7. Нерубенко Н.В.	26
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ»	
8. Shabalina A.N.	29
EDUCATIONAL FRAME-PROPOSITIONAL RUSSIAN-ENGLISH DICTIONARY	
9. Труфанова И.В.	34
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, АГНОНИМЫ, НЕОЛОГИЗМЫ В "SOLUS REX" В.В. НАБОКОВА	
10. Садовая А.Ю.	42
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТОРЕЧНЫХ ЕДИНИЦ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.И. ЯНВАРЕВА	
11. Якушева Е.Г.	48
БОТАНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	
12. Абламская Е. В.	51
СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ «ЯЗЫКА РУНЕТА»	
13. Пежинська О. М.	53
ЕТИМОЛОГІЧНІ ПЕРЕДУМОВИ ВИНИКНЕННЯ ФРАНЦУЗЬКИХ ТОПОНІМІВ	
14. Мазнева Ю.А.	57
ОБ АББРЕВИАЦИИ КАК СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-СОКРАЩЕНИЙ	
15. Y. Odilov	62
SPEECH ASPECTS OF ENANTIOSEM Y	

16. Александрова В.В.	66
ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ СОВЕТСКОГО (70-80-е гг.), ПЕРЕСТРОЕЧНОГО (к. 80-х - н. 90-х гг.) И СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДОВ)	
17. Федькова І. А.	71
ПРОЦЕСИ ЗАСВОЄННЯ ЗАПОЗИЧЕНЬ В УКРАЇНСЬКІЙ ХОРЕОГРАФІЧНІЙ ЛЕКСИЦІ	
18. Г. Волчанська, Ю.Нога	75
СТАНОВЛЕННЯ АНТРОПОНІМІКОНУ КОМПАНІЇВЩИНИ (СЕРЕДИНА ХІХ-ПОЧАТОК ХХ СТОЛІТТЯ)	
19. Здорикова Ю.Н.	78
УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ	
20. Ларионова Н. П.	81
ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА СВЕТА В РОМАНЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»	
21. Дзямулич Н.І.	84
ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК – ПУБЛІЦИСТ	
22. Кунгурова О.Г., Бодрова Е.	88
СИМВОЛИКА КРАСНОГО ЦВЕТА В РАССКАЗАХ ВЕРЕСАЕВА	
23. Мишелова Д.А.	91
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКО- И БОЛГАРОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СМИ	
24. D.Smakovskaya.	97
DEVELOPMENT OF MEMORY CHILDREN AT ENGLISH LESSONS IN PRIMARY SCHOOL	

Миранда Тодуа,

кандидат филологических наук,
Сухумский государственный университет (Тбилиси),
Грузия

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ГРУЗИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

В церковной поэзии внимание заостряется не только на очеловечивании господя, но и причине его рождения, ощущении тяжести людских грехов. Изгнанных из рая Адама и Еву, лишенных благодати и одетых в шкуры, сопровождает ностальгия по древу жизни, жажда и целеустремленность сближения с первой честью. Целью и сутью очеловечивания Слова Божьего является возрождение падшей природы, раскрытие замкнутой души и обожествление Адама. Согласно гимнографии, плод увиденного Евой дерева, который «был добр на вкус и прекрасен на вид», горек, так как грех предков, который в христианском представлении связывался с «болезнью», «недугом», оказался судьбоносным для человечества.

Гимнографы, следуя за упрочившейся в христианской литературе традицией, представляют Спасителя врачомателем души, который, согласно Новому Завету, неоднократно выступает заступником нищих и убогих, а черт, который ежеминутно готовит человеку соблазн и который осмелился испытать даже Спасителя, - враг людей, в церковной поэзии представлен многообразно: а) бог преходящего мира; Б) владетель преходящего мира; в) князь тьмы; г) душеубийца; д) лукавый; е) завистливый; ж) страж воздуха; з) злой; и) змей; й) кит; к) зверь; л) волк; м) Нистор и Беляр; н) который. В духовной поэзии весьма распространено местоимение «который», как обозначение божества. Оно, как окаменевшее местоимение божества, встречается в начале гимна, и Шота Руставели использовал «который» в этой же функции первым словом своей великой поэмы (Г. Имедашвили).

«Который» - это местоимение, обозначающее Господа, в гимнографии оно иногда обозначает и Богородицу (Н. Сулава). В церковной поэзии местоимение «который» обозначало и врага потомков Адама. Хотя здесь же отметим, что в одном случае местоимение «Который» выражает благоговение перед Господом или Богородицей, во втором случае же гимнографы избегают с помощью этого слова упоминания неупоминаемого. В гимнографии посредством многокрасочного представления образа сатаны указывается масштабность и глубина зла. По-разному описанный гимнографами портрет Адама указывает на тяжесть греха. Согласно гимнам, портрет «падшего Адама» является самым распространенным образом. В гимнах представлен отягощенный грехом и избавившийся от него, духовно обновленный человек. Самый интересный образ Спасителя человечества, связанного лишь с мистерией рождения, которая передана антиномическим образом, мы встречаем в гимнографии X века только у Иоанна Мтбевари.

В гимнах подчеркивается значение и назначение создания Адама в библейской космогонии, акцентируется внимание на бремени неправильного

направления свободной воли, на вызванный грехом боли, ради избавления от которой осуществилось и было распято Слово Божье. В гимнографии особое место уделяется возвращению в Эдем изгнанного из рая Адама, которое равно сопровождает мистерии рождения, крещения и распятия Христа.

Развертывая тему крещения, гимнографы показывают человекоподобного, принимающего крещение в Иордане Спасителя в ветхозаветных образах: в Иордане видится «покровительствующий Бог», ветхозаветный эпизод возвещал о таинстве крещения. Согласно гимнам, крещение принимает увиденный Моисеем в облаке Бог; в Иордане крестится улащающий солью воду Спаситель. Подслащение воды Елисеем с Божьей помощью – это прообраз освящения воды крещением Спасителя.

Передавая мистирию крещения, гимнографы двояко представляют объявление образа Господа: 1. во первых, очевидна и подчеркнута двухприродность Христа, который принимает крещение как человек, а Бог-Отец подтверждает Его божественность; 2. объявился как Единосущий, неделимая Троица.

Испуганный Иоанн и олицетворенная гимнографами, наделенная человеческими свойствами река Иордан взирают на Спасителя, которого «мир признал как Бога и Человека». Олицетворяя природу, гимнографы, кроме того что художественно передают мысль, подчеркивают божественность Христа, которую признает, поклоняется не только созданный им «образ Господа», но и все и вся, сотворенное Троицей.

При спасении крещением доминируют: 1. освящение воды, силой которого придается воде животворность; 2. очищение людей от грехов; 3. омовение-очищение; 4. особое место уделяется распространению света, причащению к свету.

Церковная литература не отличается богатством символики красок. По большей части присутствуют черный и белый цвета, которые передаются светом и тьмой. Именно посредством этих двух цветов описывается постоянная борьба между добром и злом. В богословской литературе свет является именем Бога, что берет начало в Библии (Иоанн 12,6). Пришедший из Библии символ света упрочился в духовно-богословской литературе как имя Бога. Со светом связаны крещенные, очищенные от греха, спасенные Богом из тьмы дети Адама. Каждый человек носит «свет» в своем сознании. Эта борьба внутреннего «света» и греха, подавление тьмы представляют суть человеческой жизни и путь к Всевышнему. Евангелие от Иоанна представляет нам причащенного к божественному свету человека как «сына света» (Иоанн 12,36).

Рядом со светом встречается тьма, которая является обозначением противоположной силы. Знаком злой силы, «властителем тьмы», с которым отождествляется враг человечества, является черт, ад, смерть. С темной силой ассоциируется тьма. Отрицательную силу выражают ночь и туман. Здесь же необходимо отметить, что ассоциированные с тьмой ночь, туман, темнота означают также божественную таинственность, потусторонность.

Борьба между добром и злом, светом и тьмой, стремление к божественному свету, избавление от тьмы и её оков сопутствуют мистериям рождения, крещения и распятия.

В церковной поэзии особое место занимает мистерия распятия, при описании которой выделяется несколько тем: страдание Христа, погребение, воскресение и вознесение. Как особо отмечает гимнограф: «Воспеваем Страдальца, возвеличиваем

Погребенного, признаем Воскресшего, возносим Вознесенного, имеющего великую благодать» (Микаэл Модрекили).

Чтобы более наглядно представить отношение обеих природ Христа к смерти, гимнографы, помимо страдания Спасителя, привлекают известную историю воскрешения Лазаря из Нового Завета, так как Христос «оплакивал» друга, как бессильный против смерти, и в то же время, благодаря божественной природе, Ему подвласно воскресение умершего четыре дня назад покойника.

В гимнографии очеловечение Спасителя и страдание по причине человеческой природы передается различными вариациями и возвещает о временности человеческого бытия.

Для представления образа Христа – мученика гимнографы используют и ветхозаветные образы: а) в гимнографии достаточно распространено сравнение безгрешного Христа с закланным ягненком, который является библейским образом; б) упрочена традиция проведения параллели между убитым рукой брата Авелем и Христом. Убитый Каином Авель – это первая жертва предательства брата, чем и заслужило человечество очередное проклятие Бога, но смерть Христа, распятого на кресте братьями, уничтожила первое и привнесла в мир благословение Господа. Авель первый гость ада, а Спаситель – губитель и разрушитель тьмы; в) на кресте распят сотворенный Бог; г) мир не признал Его, и род израилев распял столп облака и огня, который предводительствовал ими в пустыне; д) израильтяне, которым Господь послал на пропитание манну небесную, а из скалы «явил» родник, предпочли Варавву Спасителю, вызволившему их из египетского плена.

Гимнографы, передавая трагический акт пытки Спасителя, в отличие от авторов Евангелия, не ограничиваются лишь описанием факта, а вносят и лирический настрой в гимны и как бы сами становятся очевидцами и участниками отдаленного веками космического акта. В гимнах на первый план выдвигается не только «лирическое я», но и тот факт, что гимнографы достигают воздействия своих чувств на слушателей художественным мастерством, и невольно мы становимся соучастниками этих настроений, произойдет ли это по призыву гимнада или силой художественного слова.

В отличие от Евангелия, в гимнографии весьма интересно описаны предательство Иудой Христа и результат этого предательства. Предатель Учителя и продавец души за 30 сребреников, Иуда, покончил жизнь самоубийством и навечно остался пленником ада. Согласно гимнографам, губителем ада является не только Спаситель, но и Иуда, поскольку, благодаря его предательству, Иисуса направили по пути, ведущему на Голгофу, с величайшим и тяжелейшим бременем, который для братьев Иуды стал путем вечной жизни. Взаимооскверняющие, весьма интересные художественные образы черта и Иуды в гимнографии X века встречаются лишь в гимне Иоанна Минчхи.

В церковной поэзии мистерия распятия сопровождается элегическим мотивом, вызванным «разбойничьей» кончиной Творца, что в гимнографии воспринимается в образе всей Вселенной. Рисуя плачущие светила, небеса, солнце, гимнографы создают содрогающую картину всеобщей скорби. Теме распятия придают особенный лиризм муки и горе Богородицы, которая в скорби оплакивает не Богочеловека, а любимейшего Сына. Несмотря на то, что Библии не чужд «плач»

Teoria i praktyka – znaczenie badań naukowych

(напр. «Плач Вавилона», «Плач Пророка Иеремии»), Новый Завет умалчивает об испытаниях Матери убитого Сына. Для гимнографов оказалось интересной глубина эмоций и боли Матери-Девы, и они нарисовали волнующую картину горестной Матери, у которой слезы текли, как ручьи.

При оплакивании Богородицей Единородного Сына гимнограф показывает две природы Страдальца: а) с одной стороны, Божья Матерь оплакивает вечный плен – смерть Сына как человека и на передний план выдвигается материнская трагедия; б) с другой стороны, «духовная природа» Сына «покрыта гайной» (М. Уджмаджуридзе), что сопровождается религиозным оптимизмом несчастной женщины.

Евангелие от Иоанна кратко передает заботу распятого Сына о Матери. Церковная поэзия же знакомит нас с душераздирающим диалогом Матери и Сына: а) скорбящая Богородица видит будто переходящую природу Сына и в отчаянии, как все обычные матери, Иисус же утешает пораженную женщину и напоминает Ей о Своей божественной природе и обнадеживает воскресением; б) Богородица понимает, что Она – Матерь Богочеловека, но её страдание равно боли Сына, и Она призывает Его проявить божественную природу и победить смерть.

Теме страдания – воскресения Спасителя, так же, как рождения и крещения, сопутствует идея крушения ада. В церковной поэзии освобождение рода Адама из адского плена изображается весьма интересно и образно. Погребением Христа «открылись гробницы» и восстали мертвые, что стало началом избавления и спасения людей.

Использованная литература:

1. Библейская энциклопедия, М. 1981.
2. Ингороква П., Древнегрузинская церковная поэзия, Тф. 1913.
3. Кекелидзе К., Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. XI. Тб., 1972.
4. Хачидзе Л., Поэзия Иоанна Минчи, Тб., 1987.
5. Древнегрузинская церковная литература /Текст с коммент. изд.: Е. Челидзе(на груз. яз.). Тбилиси, 2005

Лесько Х.С.

асистент, Львівський національний
університет імені Івана Франка

МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ТА ПРИНЦИПИ ДОСЛІДЖЕННЯ ДЕМІНУТИВІВ / АУГМЕНТАТИВІВ. НА МАТЕРІАЛІ ІСПАНСЬКОГО МАС-МЕДІЙНОГО ДИСКУРСУ

На сучасному етапі розвитку лінгвістики існує велика кількість підходів до аналізу мовних одиниць. Однак між усіма різноманітними точками зору є дещо спільне – вони розглядають людську поведінку як мовленнєву діяльність, а людину як активного суб'єкта пізнання, що володіє індивідуальним та суспільним досвідом, системою знань про світ тощо.

Демінутивність / аугментативність належить до універсально-типологічних явищ, оскільки у людській природі закладена потреба диференціювати ставлення до певної особи, предмета чи явища і висловлювати емоційно-експресивну оцінку до об'єктів комунікативно-мовленнєвого акту. Домінує думка, що категорія зменшеності / збільшеності історично передує категорії суб'єктивної оцінки. Для вираження обох категорій використовуються спільні словотвірні засоби – зменшувально- та збільшувально-оцінні суфікси. Це пояснюється їхньою синкретичною природою: вираженням об'єктивних квантитативних смислів та позитивної (пестливої) / негативної (зневажливої) оцінки.

Методологічну основу дослідження становлять *когнітивний* та *лінгвопрагматичний* підходи, що розкривають взаємозв'язок мови, культури та мислення. Когнітивний аналіз полягає у співвіднесенні семантики демінутивів та аугментативів з соціологічними, культурологічними й психологічними досвідними даними народу. Він створює можливість вийти за межі власне мовного знання та здійснити аналіз співвідношення мовного значення і концептуального змісту, що передається окремим словом.

Лінгвопрагматичний підхід актуалізує словотворення суфіксами суб'єктивної оцінки як засобів, які можуть моделювати зміст висловлення відповідно до прагматичних намірів автора. Його застосування є, на нашу думку, найдоцільнішим, оскільки розкриває семантико-дискурсивний аспект демінутивної та аугментативної лексики у контексті прагматичної організації публіцистичного тексту. Таким чином, суфікси суб'єктивної оцінки розглядаємо як мовні стратегії впливу на численну аудиторію: переконання, критика суспільних явищ у суспільстві, заклик до дій та рішучості у вирішенні суспільних негараздів.

Сучасні наукові студії обирають *когнітивний підхід* пріоритетним методом аналізу мовних явищ кінця ХХ початку ХХІ ст. Зокрема, когнітивний підхід до вивчення мовних одиниць знаходимо в науковій спадщині В. фон Гумбольдта (W. von Humboldt) та О. Потебні. О. Потебня зазначає, що «форма існування мови є діяльністю, скерованою на пізнання світу і самої людини, діяльністю, яка накопичує

і постійно розвиває світогляд», тобто здійснюється зв'язок людини з навколишнім світом [6, с. 26].

Розвиток когнітивного підходу до явищ мови сприяє дослідженню мовних одиниць як похідних концептуалізації світу людською свідомістю. Саме тому дослідження дискурсу набуває нових ракурсів розгляду і є цінним для вивчення проблем категоризації, розвитку і функціонування мовної свідомості.

Фактично переважає більшість досліджень у когнітивній лінгвістиці пов'язана із іменами Дж. Лакоффа (G. Lakoff) і Р. Ленекера (R. Langacker), які вважають, що мовна семантика має метафоричний характер, тобто осмислення складних об'єктів і явищ людиною ґрунтується на переосмисленні базових понять досвіду людини [5, с. 390]. Ці висновки викликають чимало зауважень з боку мовознавців, згідно яких, когнітивна проблематика не повинна зводитися лише до метафоризації. В Україні когнітивно-дискурсивний напрям досліджень розробляється О. Воробйовою, А. Левицьким, С. Жаботинською та ін.

Когнітивний підхід перемержується із етно- та лінгвокультурологічним підходами, які, у свою чергу, спрямовані на виявлення етноспецифічних та культурних особливостей конкретного національного мовлення, виявів особливої національної ментальності, світобачення та мовної картини світу.

Сучасне мовознавство визнає домінуючими два напрямки у своїх дослідницьких інтересах – *семантико-когнітивний* опис мовних одиниць та їх *прагматико-дискурсивний* аналіз. При такій постановці питання увага фокусується на двох давніх проблемах мовознавства: мова і мислення / свідомість / знання (предмет когнітології), мова як засіб / інструмент комунікації у соціокультурному континуумі.

Семантико-когнітивний підхід застосовується з метою дослідження демінутивних та аугментативних одиниць як лекsemних структур, що відображають стереотипні ситуації. Використання великої кількості демінутивів / аугментативів у публіцистичному мовленні вважається ознакою кризового мислення, потребою прийняття рішень у проблемній ситуації.

Аналіз демінутивів / аугментативів в межах когнітивної парадигми характеризується:

- моделюванням структур свідомості учасників мас-медійної комунікації (опис та пояснення внутрішньої когнітивної структури й динаміки того, хто говорить, і того, хто читає, слухає);

- їх зарахуванням до ключових концептів публіцистичного дискурсу, як засобів вираження та інтенсифікації оцінно-емотивного компоненту змісту статті, стереотипів мовленнєвої поведінки, які є підґрунтям мас-медійних переконань упереджень і міфологем;

- їх описом як процесу відтворення соціально-, культурно- і лінгвістично значущих типових ментальних моделей, зумовлених розвитком суспільства

Значенню демінутивних та аугментативних лекsem притаманна подвійна природа, бо вони одночасно виступають одиницею суспільної і одиницею індивідуальної свідомості. Будь-яке поняття має якийсь загальноприйняте в даному соціумі значення, але, засвоюючись конкретною людиною, набуває суттєвого індивідуального відтінку, який може мати не меншу вагу, ніж загальноприйнятий смисл цих слів.

Підвищений інтерес мовознавства до комунікативної прагматики на рубежі ХХ–

XXI ст. призвів до зосередження уваги дослідників на динамічному аналізі мовних та парамовних засобів, які реалізують індивідуально-особистісний, інтенціональний (потреби, мотиви і цілі) та ситуативний аспекти повідомлення. Попри те, що дослідження *лінгвопрагматичного аспекту* налічує близько ста років, існує велика кількість наукових праць, серед яких слід виділити дослідження Н. Арутюнової, С. Жаботинської, М. Бахтіна, Р. Водака, Т. ван Дейка, Н. Фейрклоу та ін.

Проблема дискурсу була закладена ще Ф. де Соссюром (F. de Saussure) у дихотомії «мова–мовлення», “яка визнається чи не найбільшим досягненням лінгвістики XX ст.” [8, с. 47]. Науковець констатує, що з процесу мовленнєвого акту виникає взаємозв’язок семантики і прагматики, завдяки яким система мови сприймається адресатом через призму способів і засобів її відтворення, сприйняття та осмислення.

У концепції комунікативної природи тексту Т. ван Дейк (Teun Van Dijk) визначає дискурс як «складне комунікативне явище, що містить окрім тексту ще й позамовні чинники (знання про світ установи, мету мовця, спрямованість на його ментально-прагматину сферу)» [3, с. 102]. На думку О. Селіванової, аналіз дискурсу повинен дати характеристику того, як у контексті взаємодії людей повідомлення спрямоване на досягнення якої-небудь комунікативної мети [7, с. 54].

Лінгвопрагматичний підхід досліджує аспект “відношення знаків до їх користувача”, тобто основною проблемою лінгвопрагматики стає мовна й мовленнєва взаємодія адресанта та адресата, питання успішності комунікативних актів, їхня інтерпретація, а також способи впливу на адресата з боку адресанта, що особливо актуально для мови масової інформації. Отже, в основі лінгвопрагматики (“лінгвістична прагматика”, “прагмалінгвістика”, “мовна прагматика”) лежить *антропоцентричний* підхід до вивчення дискурсу, згідно з яким людський фактор посідає домінуючу позицію: на передній план виступають проблеми виявлення закономірностей лінгвoseміотичного засвоєння людиною навколишнього матеріального світу та інформаційного простору, стратегічної побудови комунікації для реалізації людських потреб, структурування вигідного для комунікантів середовища.

Чимало іберійських лінгвістів стояли на антропоцентричних та семантико-когнітивних позиціях і розглядали мовленнєву систему як один із проявів людської діяльності, а антропоцентризм мовних одиниць визначали як суб’єктивність подання семантичного змісту [11, с. 73]. Лінгвопрагматичний ракурс дослідження демінутивних та аугментативних одиниць дозволяє зробити наступні висновки щодо їх:

- оптимально втілюють комунікативний намір адресанта з метою стимулювання змін у свідомості адресата та соціальної позиції щодо розглянутих у публікації проблем та питань;

- надають додаткову суб’єктивну оцінку, емоційно забарвлену, інтенційну та асоціативну інформацію;

- виступають одним із засобів інтенсифікації та увиразнення змісту висловлення статі; осередком експресивності;

- забезпечують високий рівень декодування повідомлення адресатом з мінімальними інформативними втратами.

Суфікси зменшеності / збільшеності ілюструють два види взаємопов’язаних

об'єктів у тексті:

– функціонально-семантичне поле демінутивності та аугментативності як узусальна величина, отримана у результаті сукупного врахування всіх можливих проєкцій читачів відповідного мовного колективу в певний час;

– оказіональне вживання, що віддзеркалює смисл відповідного тексту в індивідуальній свідомості адресата. Сукупність усіх можливих семантико-стилістичних ознак слова утворює його внутрішню семантичну парадигму, тобто семантичну структуру багатозначного слова. Шляхом оказіонального вживання демінутивів та аугментативів увиразнюється емоційно-експресивна тональність повідомлення.

Отже, методика дослідження лінгвопрагматичних можливостей демінутивів та аугментативів у публіцистичному дискурсі, базується на принципі цілісного комплексного підходу до вище названих мовленнєвих явищ і закономірностей їхнього функціонування, що передбачає багаторівневий аналіз тексту. Використання різних методів та прийомів зумовлено метою та конкретними завданнями дослідження і дає можливість розглядати аналізовані категорії з погляду семантики, когнітивного аспекту та особливостей функціонування у тексті.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Н. Д. Арутюнова. – М., 1998. – С. 136–137.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник / Ф. С. Бацевич. – К.: ВЦ “Академія”, 2004. – 344 с.
3. Дейк Т. А. Ван Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ / Т. А. Ван Дейк . – Благовещенск: Благовещ. гуманитар. Колледж. – 2000. – 310 с.
4. Жаботинская С. А. Лингвокогнитивный поход к анализу номинативных процессов / С. А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 982. – С. 6–20.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М.Джонсон // Теория метафоры; [пер. с англ., фр., нем., исп. яз.]; [сборник/ вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М.А. Журиной]. – 1990. – С. 387–416.
6. Потебня О. Думка й мова (фрагменти) / Олександр Потебня // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / За ред. М.Зубрицької. – Львів: Літопис, 1996. – С. 23 – 39.
7. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К.: Брама, Изд-во Вовчок О.Ю., 2004. – 336 с.
8. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.
9. Martínez Albertos J. L. Curso general de redacción periodística / J. L. Martínez Albertos. – Madrid. – 1992. – 176 p.
10. Langacker R.W. Concept, image and symbol. The cognitive basis of grammar / R.W.Langacker. – Berlin, NewYork: Mouton de Gruyter, 1990. – P. 261–288.
11. Santamaría L. El comentario periodístico. Los géneros persuasivos / L. Santamaría. – Madrid: Paraninfo, 1990. – 252 p.

Alavidze M.B

Doctor of Philology

Associated Professor

Department of English Philology at Akaki Tsereteli State University

COMMUNICATIVE NOTION OF IMPLICIT CONTENTS OF A TEXT

Abstract

The article deals with the problems connected implicit and explicit meaning of a linguistic text. The research shows that apart from explicit meaning an utterance also has an implicit meaning. The implicit contents of a text sometimes are more important than the explicit one. Implicature is a technical term in the linguistic branch of pragmatics (Levison, 1983). In order to study the communicative implicature it is necessary to go beyond linguistic situation and take into account the extra- linguistic situation the utterance is connected with.

Key words: implicature, text, coherent utterances, speech competence.

Communicative Notion of Implicit Contents of a Text shows that very often implicit contents of a text is used as a means of communication. Every science has its own object and means. An object is an aspect of reality the science is aimed to study, and a means is a way the science studies the object. The notion of communicative linguistics means that a human being is to be considered as a participant of communication. Communication is an act, a process which is determined to be one of the components of activities a human being can perform.

The research shows that apart from explicit meaning an utterance also has an implicit meaning. The implicit contents of a text sometimes are more important than the explicit one. Implicature is a technical term in the linguistic branch of pragmatics (Levison, 1983). In order to study the communicative implicature it is necessary to go beyond linguistic situation and take into account the extra- linguistic situation the utterance is connected with.

Implicit contents of an utterance consist of the same layers as the explicit contents – nominal or referential and implicative, in other words some additional information about referential situation described by the utterance or it can be some other thing connected to the situation. Communicative implicature is a proof of a communicative situation, in particular about the addresser.

To illustrate the theory described above let's study an extract from the interview between the USA ex-president Bill Clinton and Stiff Cop from his programme "60 minutes".

Dan Rather: "What do you consider the greatest failure of your presidency?"

Bill Clinton: "I'm sorry on the home front that we didn't get healthcare and that we didn't reform Social Security. And international affairs, I regret that I didn't succeed in getting Osama bin Laden. And equally, I'm sorry that I wasn't able enough to convince the Israelis and the Palestinians to make peace." www.cbsnews.com/stories/2004

We will never know the implication of the interview if we do not realize that Bill

Teoria i praktyka – znaczenie badań naukowych

Clinton is emphasizing the fact he was mostly blamed for. This is an attempt to show that he regrets that he failed in some aspects of his presidency. That will help him to maintain his good image in public.

We are giving here one more example for illustration. This is an extract from the interview between ex-president of Georgia Mr. Eduard Shevardnadze and Prime Time journalist Ia Danelia. Here we can see an example of general implicature which is highlighting the whole interview which is considered to be a linguistic text.

I.D. (journalist) *If there is a dialogue between the opposition and President Saakashvili,*

who do you think will be the winner?

E. Sh. (ex-president) *Nobody is against the dialogue. The question is how they see the dialogue. The opposition thinks that there is only question they can negotiate about – this is a question of resignation of the president. But the majority offers them tens of questions for negotiation.* (Prime Times 4-10.04.09)

The given example shows that it is impossible to talk about communicative implicature if we do not know who is talking to whom, why and where. In other words we can see the hidden message of the interview if we take into account the background political situation in Georgia in spring 2009 when there was a much tensed relationship between the government and the opposition. As for the answer we can see that Eduard Shevardnadze is violating the maxim of manner meaning to be precise and concrete.

As for the linguistic means of expressing the implicature there are no means or ways used just for expressing implicature or explicit information of the text. Any means used for explicit understanding of the text could be used for expressing implication. Although it is a fact that those means need to be additionally marked to express the implicature (Kirvalidze 2008).

To make the case clearer we can say that there are two ways of expressing the underlying message:

1. Just linguistic means that are used in both cases;

Illustration:

Some sportsmen smoke.

The underlying message of the utterance means that not all the sportsmen smoke.

2. Additional markers to linguistic means. They are: diminutive morphemes, words with more than one meaning, deictic words, particles, repetition and etc.

To illustrate the theory we study the extract from the interview between the US former president Bill Clinton and Stiff Cop from his programme “60 minutes”.

Steve Kroft: *“You admit that you could never have become president without your wife’s support. So why did you repeat the same mistake years later with Lewinsky?”*

Bill Clinton: *“There is no explanation which is an excuse. I want to make that clear. I don’t make any excuses for myself. But I think it is worth trying to figure out why. I was not thinking straight. It, when you ask a question that’s a rational question and it’s got, supposed to have a rational answer. There is no rational explanation for what I did.”* www.cbsnews.com/stories/2004

As we can see through the violating the logical coherence of the text and repetition,

Bill Clinton tries to avoid the answer to the question. The means used by him is considered to be an additional marker.

From linguistic point of view an interview is an interesting phenomenon because it best shows what linguistic means and ways are used to avoid answering a question. People very often fail to answer a simple Wh or Yes/No question and use other means to keep their positive image in front of public. But their attempt could be noticed if we follow the maxims of cooperation and see whether they have been observed or violated.

Theoretic bases of Studying an Interview gives brief preconditioned history of development of text linguistics. A text is a language in use and all its components are influenced by the situation they occur in. That is why the meaning of words in the text differs from the meaning of the same word found in dictionaries or grammar books.

From structural point of view any sequence of coherent utterances is considered to be a text. That means at least two sentences that are logically connected with each other can make a text. As for the functional point of view not only logically connected utterances but also even a sentence or a word could be considered to be a text if it carries communication (Lebanidze, 2004:23).

In the present research work an interview is considered to be a linguistic text. It can be studied as a whole unit with its grammatical, lexical and stylistic peculiarities, also through inner structural elements and extra linguistic situations.

While analyzing an interview as a genre we have come across three differentiative characteristics. They are:

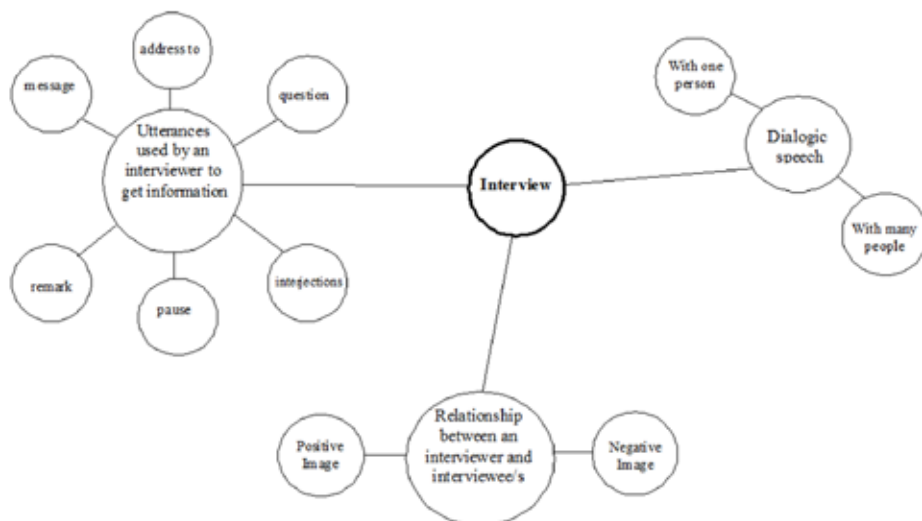
- a) The first characteristic feature of an interview is its form. It has a form of dialogue.
- b) The second characteristic feature of an interview is a classification of utterances made by an interviewer. Any remark made by an interviewer is considered to be a question during the interview because they are provoking an interviewee to speak.
- c) The third characteristic feature of an interview is the relationship between an interviewer and an interviewee. The atmosphere created by an interviewer is usually contagious. The remarks made by an interviewer either help the interviewee to maintain his/her positive image in public or face the threat loosing his/her positive image in public (see the table 1).

Linguistic competence of communicants allows a speaker to make grammatically and lexically appropriate sentences to get an adequate reaction from a listener.

To make the case clearer we illustrate an extract from the UK former Prime Minister Tony Blair from his speech made in congress.

The P. M. (Mr. Tony Blair): *We should be proud that, in Iraq today, we have a process under way that will allow the Iraqi people to achieve the freedom, democracy and the rule of the law that we take for granted. Yes, we will get protests, as we saw earlier today. In the end, the people of this country elect their Government. That is a fantastic thing, and it is an opportunity that is available for people in Iraq today. I know that people -- some of them Labour Members -- are worried about our alliance with the United States of America. However, I think that America now understands and believes that the best and ultimate guarantee of its security is the spread of the*

Genre Characteristics of an Interview

Genre Characteristics of an Interview

values of freedom, democracy and the rule of law.

(Barcelona CDA Congress Valencia, May 2004)

The extract shows how the former Prime Minister wants the House of Commons to support him in the war against Iraq. The extract shows that his speech is based on the thesaurus of communicants which form the implicature of a text. Mr. Blair knows that the majority of Commons are against the war. That is why he tries to use the appropriate utterances based on presuppositions. An extra-linguistic factor is added to the general context information which is common for both – the Commons and the Prime Minister. In this case it is a strike in the street against the war which definitely does not help the Prime Minister.

It is obvious that the former Prime Minister appreciates the situation well. He somehow tries to observe the principles of co-operation to make the conversation successful.

Su some it up we can say that linguistic competence of communicants determines their speech competence.

Reference:

1. Austin, J.L. *How to do thing with words*. N.Y: Oxford university press, 1965.
2. Kirvalidze N. *A University Course in Text Linguistics*, Tbilisi, 2008.
3. Lebanidze, G. *Communicative Linguistics*. Tbilisi, 2004.
4. Levinson, S. C. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
5. Prime Times 4-10.04.09)

Арбузова Н. В.

преподаватель

Таврический национальный университет

им. В. И. Вернадского

ДИГЛОССИЯ КАК ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ

Языковая ситуация в Швейцарии представляет научный интерес со стороны многих лингвистов с позиций вариативности, социальной и функциональной дифференциации, мультилингвизма и мультикультурализма, билингвизма и диглоссии, чем обусловлена актуальность предложенного исследования. Цель данной работы заключается в рассмотрении основных аспектов диглоссии и изучении языковой ситуации в Швейцарии в контексте описанного явления.

Проблемами диглоссии (от др.-греч. *δυο* — «два» и *ἴλωσσα/ἴλωττα* — язык) [1], часто определяемой как случай билингвизма (мультилингвизма), занимались такие лингвисты, как Ч. Фергюссон [2], Дж. Гамперц [3], Дж. Фишман [4], Б. Гавранек [5], И. Эвен-Зохар [6], В. А. Виноградов [7], П. Векслер [8] и др.

На начальных этапах развития языка, как правило, характерна языковая моногlossия, которая на данный момент встречается довольно редко. Моногlossия в высшей степени свойственна языкам, не разграничивающим функциональные варианты и диалекты, что применительно, например, к простым племенным языкам. Основным признаком сформировавшегося состояния языка для индивидов и социальных групп является дигlossия, характеризующаяся, согласно гуманитарному словарю лингвистических терминов, «строго дополнительным распределением функциональных сфер применения языка (языковых форм) и разной престижностью языка (языковых форм) и сознательным отношением к этому участников языковой ситуации» [9], что, например, характерно для языковой ситуации в Швейцарии, рассматриваемой в контексте англо-немецкого двуязычия.

Как правило, исследователи опираются на два базовых толкования термина «дигlossия»: в узком смысле (два языка — билингвизм) [5], (несколько языков – мультилингвизм) [6 ; 8] и широком смысле (два варианта языка или два отдельных языка — дигlossия).

Вслед за Ч. Фергюсоном и Дж. Гамперцем многие лингвисты определяют дигlossию как явление, сущность которого заключается в попеременном использовании различных коммуникативных подсистем (языков и диалектов) в зависимости от социальных условий и функций общения. В данном случае речь идет о внутриязыковой дигlossии. Однако следует отметить, что термин «дигlossия» может употребляться в языкознании без определения «внутриязыковая», например в Швейцарии. В этом случае понимается попеременное употребление не разных коммуникативных подсистем, а разных языков (английского и немецкого) как проявление престижа одного из используемых языков в зависимости от ситуации

общения. Так, носитель языков в различных сферах коммуникации производит выбор не только стилистически маркированных единиц, но и языка высказывания. При таком рассмотрении понятие «диглоссия» сближается с понятием «билингвизм».

Параллельное сосуществование в социуме двух языков, используемых в сферах разной функциональной нагруженности, подчеркивал В. А. Виноградов, а именно на социальное распределение функций языков или их подсистем указывал Дж. Фишман.

В своих работах Ч. Фергюсон описывал ситуации несбалансированного двуязычия в арабском мире, в немецкоговорящей части Швейцарии и на Гаити. Автор указывал на отличие диглоссии от билингвизма в функциональном аспекте: если в случае билингвизма языки характеризуются функциональной равноправностью, то при диглоссии один из языков становится «высоким» (High-language) и реализуется в небытовом «высоком» окружении, например в сфере науки, культуры, религии, в то время как другой язык является «низким» (Low-language) и функционирует в повседневном бытовом общении.

Ч. Фергюсон рассматривал «High – Low» пары родственных языков и пары «норма – вариант». Позже в своих трудах Дж. Фишман расширил понятие диглоссии, распространив применение последнего и на неродственные языки, например, при анализе языковой ситуации Парагвая.

Таким образом, согласно Дж. Фишману [4], в лингвистической литературе выделяют следующие характерные признаки диглоссии:

- функциональная дифференциация языков — «высокого» (High) и «низкого» (Low);
- престижность High-языка по отношению к Low-языку в сознании общества;
- экзоглосность High-языка;
- внесемейное «школьное» овладение High-языком;
- высокая кодифицированность High-языка.

В зависимости от корреляции между High- и Low-языками Дж. Фишман различает следующие диглоссные ситуации:

- Родственные High- и Low-языки, где High-язык функционирует как «классический» язык, в то время как Low-язык — как разговорный, например, классический арабский и местный разговорный диалект.
- Неродственные High- и Low-языки, где High-язык функционирует как «классический» язык, в то время как Low-язык — как разговорный, например, арамейский/иврит и идиш.
- Неродственные High- и Low-языки, где High-язык функционирует как официальный и литературный язык, Low-язык — как разговорный, например, английский или французский и локальные языки в бывших колониальных государствах.
- Родственные High- и Low-языки, где High-язык функционирует как официальный и литературный язык, Low-язык — как разговорный, например, немецкий язык и швейцарский диалект немецкого или немецкий и английский языки.

Диглоссия, будучи частным случаем билингвизма, заслуживает изучения в качестве отдельного языкового явления, поэтому языковая ситуация в Швейцарии

в контексте англо-немецкого билингвизма должна быть также представлена как диглоссная. Последняя может складываться при одновременной реализации как родственных, так и неродственных языков. Формирование диглоссных языковых ситуаций определяет параллельное функционирование языков с различной степенью престижа, таким образом, концепция диглоссии заключается в оппозиции языков по престижности.

Литература:

1. Ефремова Т. Ф.. Современный толковый словарь русского языка. Интернет [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/diglossia>. – Загл. с экрана.
2. Ferguson Ch. Diglossia / Charles Ferguson // *Word*, № 4. – 1959.
3. Gumperz J. Linguistic and social interaction in two communities / John Gumperz // *American Anthropologist*, № 66. – 1964.
4. Fishman J. The Sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society / Joshua Fishman // *Advances in the Sociology of Language*, № 1. – The Hague; Paris: Mouton, 1971.
5. Гавранек Б. К проблематике смешения языков / Богуслав Гавранек // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972.
6. Even-Zohar I. Factors and Dependencies in Culture: A Revised Draft for Polysystem Culture / Itamar Even-Zohar // *Research Canadian Review of Comparative Literature* // *Revue Canadienne de Littérature Comparée* XXIV. – 1997.
7. Виноградов В.А. Диглоссия / Виктор Алексеевич Виноградов // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990 – 136 с.
8. Wexler P. Diglossia, language standardization and purism. Parameters for a typology of literary languages / Paul Wexler // *Lingua*. Vol. 27, № 4. – 1971.
9. Современный гуманитарный словарь лингвистических терминов. Интернет [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.glossword.info/index.php/term/30-gumanitarnaya-entsiklopediya,4922-diglossiya.xhtml>.

Bublyk T. Ye.

Assistant teacher

Lviv Ivan Franko National University

Lviv, Ukraine

METHODOLOGICAL BASIS OF MEDITATIVE PARABLES RESEARCH

The investigation of various text formations in reference to their lexical, stylistic and pragmatic elements as the means of actualization of author's worldview perspective aimed at inducing the reader to some cognitive activity remains one of the primary tendencies of linguistic researches within the framework of cognitive-communicative paradigm.

Any linguistic research is based on a set of linguistic methods used to get objective results of the investigation. The notion of linguistic methods covers the ways of cognition and interpretation of language phenomena forming the system of logic, successive actions of a linguist in the process of collecting, elaborating and summarizing linguistic facts. Any method of linguistic research is determined by the aim, tasks and material under consideration of the corresponding linguistic pursuit [3, c. 398].

Linguistic methods proper are interconnected with the generally-scientific methods, depend on them and got changed under their influence. Methodology of our research is based on the use of generally-scientific and typically-linguistic methods and approaches: references analysis, inductive and deductive methods, method of comparison, methods of componential, semantic, contextually-interpretational, transformational, pragmatic analyses, linguistic text analysis and the procedure of quantitative estimation on the level of a statistic method combined within the boundaries of a complex approach to the analysis of meditative texts.

At the initial level of the investigation the analysis of references allowed us to specify the theme of the research, define its object and subject, set the corresponding tasks to be fulfilled, work out the theoretical prerequisites of the future work and check the topicality of the theme in modern linguistic environment. Scientific material helped to get acquainted with the traditional and non-traditional approaches to parable interpretation, determine the level and multi-sidedness of its investigation in order not to repeat the discoveries already made.

Actually, the analyzed scope of theoretical and practical material (under the name of practical material go the texts of meditative parables) helped to develop a hypothesis that is "a starting point in any scientific research" [1, c. 329].

The very name "parable" presupposes the availability of the features peculiar to the texts of this type, the fact that needed either confirmation or denial. Another hypothetical statement that needed verification is based on the person of the author himself, his origin, experience, sphere of interests, i.e. Anthony de Mello is a Catholic priest, psychotherapist, was born in India and brought up in a Catholic family, studied and worked in America and India. Multi-vector nature of his personal and professional life can find its direct reflection in the texts of meditative parables covering the elements of various religious beliefs and

cultural traditions of the west and the east. According to A. P. Zahnitko "cultural constants preserve culturally valuable information and are represented in sign products of any culture, especially in texts, natural language phenomena" [1, c. 331].

Using the method of comparison, traditional and meditative parables are compared at the initial stage of the research. Comparison presupposes ascertainment of similarity or difference of some things or phenomena as well as establishment of some common characteristics typical of two objects. Correctness of comparison is achieved by the following aspects. Firstly, any comparison is carried out on condition of objective compatibility between objects, phenomena, processes; secondly, the most important, typical characteristics are compared.

We deductively state that a meditative parable is one of parabolic formations, so the comparison of a traditional and a meditative parable is carried out on the level of typically parabolic features, i.e. poetics, space-time continuum, communicative strategy, compositional structure, allegoric plane, etc.

Text phenomena are investigated by various methods, the most widely spread among which in text linguistics is contextually-interpretational that is one of the variants of a functionally-paradigmatic method. Contextually-interpretational method constitutes a number of procedures directed on the status establishment of a text in reference to other texts, its meaning in the socio-cultural context, reconstruction of author's (communicative) intentions, motives and objectives, general contents, receptive direction of the text, etc. The method in question presupposes two stages: contextualization and interpretation. On the basis of contextualization we interpret the text information, state author's intentions and the ways of influence on a reader [2, c. 329-330].

The next stage of the investigation is connected with the study of lexico-stylistic and pragmatic peculiarities of meditative parables, means of actualization of the author's objective and pragmatic orientation verbalized in the texts of meditative parables and analyzed within the framework of contextually-interpretational method.

According to the peculiarities of language material presentation, ways of revealing the ideological conception of the texts in question meditative parables are subdivided into prose and verse meditative parables. Having analyzed the context of prose meditative parables we noticed the use of imperative sentences, various types of stylistic repetition, including parallel constructions with anaphora and epiphora repetitions. In this group the first items to be analyzed are imperative sentences that are identified as inducement constructions and examples of inducement speech act within the context of meditative parables.

The use of componential and semantic analyses presupposed the identification and classification of lexico-semantic scope of the verbs used in inducement constructions, actualized by imperative sentences and lexico-semantic study of noun groups denoting the dependent component in the expanded imperative constructions.

The study of syntactic-structural peculiarities of meditative parables verbalized by various types of repetition, anaphora and epiphora, parallel sentences, poly- and asyndeton constructions; stylistic figures of simile, paradox, oxymoron and personification (typical of verse meditative works) is also carried out within the boundaries of contextually-interpretational method supplemented by the elements of linguistic analysis of the text and pragmatic analysis that help altogether to define their contents, functional loading and pragmatic orientation of the author. It was noticed that pragmatic loading increases

depending on the frequency of usage of the above-mentioned units which additionally perform the function of structural organization of the parables corresponding for their cohesion and completeness.

The same approach supplemented by the elements of selection and identification is employed to analyze the precedent filling of meditative parables actualized by such categories as allusion, epigraph, citation, connection with the title, etc. Next, precedent phenomena analysis presupposes the interpretation of pragmatic meaning of the units in question that lies in author's intention to make his works universally acknowledged and understandable uniting the mankind under a unique religiously-cultural dome.

Within the framework of conceptual analysis using the approaches of selection and identification we determine the key conceptual metaphors that supplement the conceptually-pragmatic sounding of the parables in question.

The procedure of quantitative counting on the level of statistical method is used throughout the research to verify the corresponding results. This approach allows establishing quantitative parameters in the use of various syntactic constructions, stylistic figures, elements of precedent phenomena, etc.

Methodological approaches and procedures of meditative parables research are combined within the scope of a systematic approach, the use of which requires any object of scientific research. The research of textual and structurally-ideological peculiarities of the works analyzed is carried out by complex combination of the latest achievements of cognitive and communicative-pragmatic paradigms of linguistics with the stress on the study of linguo-cultural contents of parables which is projected onto the level of language signs, determines the author's idiosyncrasy and creates unique overcultural and overnational sounding of the texts in question.

References

1. Загнітко А. П. Портретування сучасної лінгвістичної думки. Рецензія на книгу: Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с. / А. П. Загнітко, Ж. В. Краснобаєва-Чорна // Лінгвістичні студії: [зб. наук. пр.] / [укл. Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін.]. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – Вип. 17. – С. 328-336.
2. Селіванова О. О. Основи теорії мовної комунікації: Підручник / О. О. Селіванова. – Черкаси: Видавництво Чабаненко Ю. А., 2011. – 350с.
3. Селіванова О. О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання / О. О. Селіванова. – Черкаси: Чабаненко Ю. А., 2012. – 488 с.

Куренкова Т.Н.

Кандидат филологических наук, Сибирский государственный
аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнёва

К ВОПРОСУ О РАЗГОВОРНОМ СТИЛЕ ЯЗЫКА

К лексике разговорного стиля (ряд лингвистов называет эту лексику «лексикой устной речи») относятся слова, свойственные обиходной речи, непринужденной беседе, вообще речи людей, не связанных, не стесненных официальными отношениями, и не свойственные, как правило, письменным жанрам (языку деловых бумаг, научных статей и т.п.), ораторской речи и т.п.

О.А. Лаптева называет такую лексику устно-разговорной разновидностью русского литературного языка. Она развилась на базе устно-разговорной речи, которая с самого начала складывалась в пределах литературного языка и не обнаруживала сколько-нибудь существенной территориальной вариативности в своих релевантных синтаксических характеристиках. У данной разновидности языка имеется ряд признаков: 1) явления, входящие в устно-разговорную разновидность русского литературного языка, не поддаются замене в речи синонимическими явлениями иной стилевой принадлежности без нарушения стилистической окрашенности лексики. Сферы функционирования устно-разговорной разновидности охватывают в основном диалогическую речь. Для ее появления нужна обиходно-бытовая обстановка, обуславливающая непринужденность; 2) данная разновидность языка, характеризующаяся наличием определенных синтаксических структур, обязательных к употреблению в данной ситуации, распространена в наше время в среде молодого и среднего поколений городского населения; 3) явлениям устно-разговорной разновидности языка свойственна системность [4, с. 4-44].

Лексика разговорного стиля неоднородна. Ее элементы различаются степенью литературности и экспрессивно-эмоциональными качествами. В данной лексике выделяют слова разговорные и просторечные. К лексике разговорного стиля относятся такие слова, которые придают речи непринужденный, неофициальный характер, но в то же время лишены грубости. Определенная часть разговорных слов выражает отношение к называемому предмету, явлению, действию, свойству, признаку и их эмоциональную оценку. Эмоциональность большого числа разговорных слов происходит из-за переносности и их значений или переносности смысла корня слова. В ряде случаев эмоциональность слов вызвана соответствующим суффиксом. Но не все разговорные слова выражают эмоциональную оценку. Разговорные слова, не содержащие никакой эмоциональной оценки, очень близки к межстилевой лексике. Однако отличия легче всего обнаружить, если «поместить» их в деловой официальный контекст, где они, в отличие от межстилевых слов, окажутся инородными. Важной особенностью разговорной лексики является то, что она входит в число литературных средств выражения [5, с. 116-118].

Своеобразной чертой разговорной речи, резко отличающей ее от книжной, является ее коллективно-драматический характер, активное участие в ней

несколько человек, непрерывность совместного действия. Еще одной важной чертой разговорной речи является, то, что «предметные значения слов могут стать средством выражения эмоционального смысла: прямые значения перестают формировать и определять внутреннее содержание речи» [1, с. 79]. Просторечными являются слова, которые выходят за пределы литературной нормы. Одни просторечные слова характеризуются той или иной степенью грубости и способностью выражать отношение к обозначаемому, оценивать его. Это так называемые грубовато- и грубо-экспрессивные слова. Оценочность немалого количества экспрессивно-просторечных слов возникает благодаря переносности значения самого слова, или его корня, или того слова, от которого образовано данное [5, с. 118]. А. Н. Гвоздев подчеркивает, что, являясь синонимами межстилевых слов, экспрессивно-просторечные слова отличаются от них не только своей способностью выражать оценку. Они содержат нередко и дополнительный смысловой оттенок, которого нет в межстилевом слове и с которым обычно и связана оценка данного предмета, действия, признака и т.д. [2, с. 80].

Некоторые просторечные слова не имеют грубости, образности, не выражают оценки, но они воспринимаются как неправильные с точки зрения литературной нормы, как свидетельство недостаточной грамотности того, кто их употребляет. Одни ученые называют их собственно просторечными, другие — простонародными (отмечая их «сходство» с диалектными словами). Так как собственно просторечные слова в своем большинстве не имеют образности, не содержат оценки, они представляют собой точный смысловой эквивалент соответствующих литературных слов [5, с. 119].

Ф. П. Филин утверждает, что существует два вида просторечия: «1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» [7, с. 7].

Существует мнение, что просторечие едино, оно только по-разному оценивается: для говорящих на литературном языке оно является своеобразной приправой к литературной речи, а для не владеющих литературным языком — обычным нейтральным способом общения [7, с. 8]. Мы полагаем, что просторечие едино, но воспринимается людьми в зависимости от их культурного и образовательного уровня по-разному.

Расслоение старого просторечия и устной литературной речи началось в середине XVIII в. В эпоху Петра I не существовало просторечия как языкового слоя, противопоставленного разговорно-литературной речи, расслоение разговорно-обиходной речи происходило во второй половине или даже конце XVIII в. [7, с. 8-9].

Р. Р. Гельгардт отмечает, что лексическое просторечие может быть уяснено как фонд лексики, который образует своего рода койне, общее для областных диалектов и для бытовой устной формы литературного языка, которая находится в его периферийной, пограничной зоне [3, с. 59].

Авторы серии монографий «Русская разговорная речь» выделяют следующие группы разговорной лексики: 1) собственно разговорные слова, т. е. литературно-разговорные и обиходно-разговорные; эти слои образуют лексику относительно неограниченного употребления; 2) разговорные слова с некоторым

ограничением сферы употребления — обиходно-бытовое просторечие, разговорно-терминологические; разговорно-профессиональные, или разговорно-жаргонные; 3) разговорные слова с явным ограничением сферы употребления — узкодialeктные, арготические и грубо-просторечные [6, с. 214].

Литература

1. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60-87.
2. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздев. - М.: Просвещение, 1965. - 408 с.
3. Гельгардт, Р. Р. О стилистических категориях [Текст] / Р. Р. Гельгардт // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 58-65.
4. Лаптева, О. А. О неcodифицированных сферах современного русского литературного языка [Текст] / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 40-55.
5. Рахманова, Л. И. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология [Текст] / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева - М. : Аспект Пресс, 2003. - 464с.
6. Русская разговорная речь [Текст] : сборник трудов / под ред. Е. А. Земской. - М.: Наука, 1973. - 398 с.
7. Филин, Ф. П. О структуре современного русского литературного языка [Текст] / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 4-12.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ»¹

В настоящей статье объектом исследования является концепт «Деньги», объективированный средствами немецкого языка. Нами была поставлена задача, определить универсальные компоненты концепта и изучить его культурно-специфические компоненты на примере паремий немецкого языков.

В основу данной статьи положена гипотеза о том, что концепт «Деньги» является сложным когнитивным образованием, включающим в себя ряд признаков (понятийных, образных и ценностных), которые характеризуют немецкую лингвокультуру.

Предполагается, что понятийные, ценностные и образные составляющие концепта «Деньги» являются источниками культурно значимой информации, которая позволяет судить о национальном характере немцев.

В настоящее время проблема определения концепта «Деньги» притягивает внимание многих ученых. Данный концепт является предметом рассмотрения в рамках фундаментальной работы Ю.С. Степанова о константах русской культуры. Автор уделяет особое внимание этимологии и внутренней форме слов, относящихся к концептам «Деньги» и «Бизнес», устойчивым стереотипам в отношении к деньгам и бизнесу (предпринимательству) в русской культуре.

Ряд диссертационных исследований, посвященных изучению данного концепта с различных позиций на материале различных языков, свидетельствует о повышении интереса к объективации в языке материально-денежных отношений [1, 4, 5].

Действительно, концепт «Деньги» отражает сложную систему не только материально-денежных отношений, но и затрагивает систему духовно-нравственных и морально-этических ценностей человеческого общества в целом и духовного мира отдельной личности.

Данный концепт занимает важное место в языковом сознании, является национально-детерминированным и отражает особенности экономического и культурного развития народа

Концепт «Деньги» представлен широкой лексико-семантической парадигмой в немецком языке. В настоящей статье мы рассмотрим лишь одну лексическую единицу, номинирующую данный концепт: *Geld* (в немецком языке), представленную в пословицах и поговорках немецкого языка.

Обратимся к этимологии. Немецкое слово *Geld* (по звуковой форме близкое к *Gold* «золото») в немецком языке, восходит к общегерманскому слову, обозначавшему «культовый взнос, налог», в древневерхненемецком языке *gelt* обозначало «плата»,

1 Статья печатается при финансовой поддержке гранта для реализации проектов по направлениям развития науки, технологии и техники «Инициатива» в НИУ БелГУ, номер проекта ВКГИ 007-2013.

«платеж», «возмещение». С XIV века появляется значение «средство платежа», которое закрепляется в немецком языке.

Лексикографические источники современного немецкого языка приводят следующую дефиницию имени концепта: 1. *(ohne Plural) vom Staat herausgegebenes Mittel zum Zahlen in Form von Münzen und Banknoten; die man dazu benutzt, um etwas zu kaufen, oder die man bekommt, wenn man etwas verkauft.* 2. *(Plural) [zu einem bestimmten Zweck zur Verfügung gestellt] größere Geldsumme.*

Анализ приведенных дефиниций показывает, что в содержание понятия выявляются следующие семы: форма существования (монеты и банкноты, с указанием на материал изготовления), функция (средство платежа, мера стоимости при купле-продаже), выделяется сема количества (сумма).

При анализе образной составляющей данного концепта в немецком языке обнаруживается большой пласт лексик, в котором номинации денег выступают в переосмысленной форме. Они характеризуются многообразием различных образов, положенных в основу наименования. По данным Л.И. Федяниной, в немецком языке насчитывается более ста лексем являющихся прямыми и переносными номинациями денег. Большинство названий денежных единиц образованы при помощи метафорических и метонимических переносов (названия денежных единиц по материалу) или переноса по внутреннему и внешнему сходству. Например, Draht (проволока), Blech (металлический лист), Kies (щебень, галька), Knöpfe (пуговицы), Asche (пепел), Flocken (снежинки), Flohe (блохи), Kohle(n) (уголь, угли), Kroten (жабы), Knete (пластилин), Mause (мыши), Moos (мох), Mopse (мопсы), Pulver (порошок), Zwirn (нитки) и т. д.

Для того, чтобы получить более полное представление об образной составляющей концепта «Деньги» обратимся к немецким пословицам и поговоркам. Нельзя не согласиться, что данные единицы языка фиксируют опыт общества, отражают его наиболее важные ценности, передают их из поколения в поколение (С.Г. Воркачев, В.М. Савицкий, В.Н. Телия и др.).

Рассматривая лингвокультурологические особенности концепта, мы провели исследование, проанализировав 160 пословиц и поговорок и сочли возможным выделить на их основе несколько семантических групп.

«Могущество, власть денег»:

Geld ist Macht; Geld verführt die Welt; Geld zwingt die Welt; Frauen und Geld regieren die Welt.

«Деньги выше моральных ценностей»:

Wer Geld hat, lässt blasen; Erst Geld, dann Recht; Wer Geld hat, ist fromm genug; Wer Geld hat, wird überall verstanden.

«Моральные ценности выше, чем деньги»:

Geld macht nicht glücklich; Besser in der Tasche kein Geld als ohne Freund in dieser Welt; Geld kann viel, Liebe alles; Geld vergeht, Kunst besteht.

«Влияние на человека»:

Hat der Bauer Geld, hat er die ganze Welt; Wer kein Geld hat, muss Honig im Munde haben.

В некоторых случаях употребляются обозначения национальных денежных

знаков. Это придает пословицам специфическую национально-культурную окрашенность, поскольку эти лексемы представляют собой наименования исторических реалий. Приведем несколько примеров пословиц с национально-маркированной лексикой:

Gulden liege auf Gulden und es gibt keine Schulden; Armer Leute Pfennige sind auch Geld; Drei Heller sind auch Geld; Der Euro steigt, der Dollar fällt, das Beste ist geschenktes Geld.

Как видно из рассмотренных примеров, четкая граница между семантическими группами отсутствует. Все пословицы отражают влияние денег на социум и дифференцируются по признаку оценочной коннотации.

Наибольшее число пословиц репрезентируют главенствующую роль денег в жизни общества в целом и в жизни каждого отдельно взятого человека. Причем положительная оценка этой роли обнаруживается в большинстве из рассмотренных пословиц.

Следует отметить, что объект нашего исследования составили пословицы, которые появились в различный период культурно-исторического развития Германии на базе своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности. Поэтому они имеют национальный характер. Анализ показывает различия в компонентном составе пословиц, так как в своей образной основе они отражают быт, традиции, обычаи немецкого народа.

Список литературы

1. Агаркова Н.Э. Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
2. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
3. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филол. науки. 2005. № 4.
4. Камышанченко Е.А., Нерубенко Н.В. Ассоциативные образы во фразеологических единицах, репрезентирующих концепт «Деньги» в немецком и английском языках // Когнитивные исследования языка: Вып. XI : Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012: сборник материалов / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. М., Тамбов, 2012 – с.446-448.
5. Майоренко И.А. Концептуализация понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского, французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001.
7. Федянина Л.И. Способы объективации концепта Geld в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
8. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, bearbeitet von Seebold, 23., erweiterte Auflage. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1995.

Shabalina A.N.

Master Degree in Philology
Belovo Polytechnic College

EDUCATIONAL FRAME-PROPOSITIONAL RUSSIAN-ENGLISH DICTIONARY

The goal of the article presented is reviewing the principal stages of a project of compiling Educational Frame-propositional Russian-English Dictionary. The project undertakes the realization of the dictionary of a new type, which structure and formation takes into account the peculiarities of human being's perception and organization of his thinking activity process, as well as allows not only learning new words and situations of their use, but actuating cognitive structures, providing for the effective memorizing of the total of the words describing specified conceptual field.

The originated dictionary can be used both for English language self-study and for group studies at Higher Educational Institutions. Specific character of the dictionary determines its importance for post-graduate students, candidates and young scientists who are involved in the research of cognitive semantics and word-formation. The dictionary will enable further research in the study of cognitive structures and psychology of thinking processes, it will stimulate the creation of new scientific works in the given line of investigation.

The described project includes three principle stages: 1) collecting of lexical units describing different conceptual fields such as TRADE, RELIGION, SCIENCE AND EDUCATION, ART, MEALS & COOKING and others out of explanatory, word-formation and specialized dictionaries using both Russian and English sources; 2) frame-propositional modeling of fragments of families of cognate words united with common semantics "trade", "religion", "science and education", "art", "meals and cooking" using sources both of Russian and English languages; 3) accomplishing of comparative analysis of correlated frames and offering culture-oriented comments to the formed part of Russian and English language world picture.

The idea of dictionary compiling of this kind is based on the following working theses: 1) a word being a material sign of the objective world reflected in our mind, fixes the results of perception and experience activity of a person, which allows on the basis of the language realization reconstructing of the whole conceptual field to which the word belongs and specifying that cognitive structure which is correlated to the word; 2) the peculiarities of the native language show up more clearly in comparing with other languages; 3) being investigated in the suggested way the fragment of the language world picture presents our everyday notions about this patch of reality being earlier not explicitly offered. In this way, presentation of words through situations describing separate actions within the limits of a particular activity of a human being allows to specify the prototype knowledge of an average language user.

The idea of frame-propositional modeling of families of cognate words as a complex unit of a word-formation level is build upon the linguistics thesis stating that the semantic

structure of a unit of any language level is based on proposition. Methodology and technique of frame-propositional modeling of families of cognate words have been developed, and the results are presented in the dissertation research and a number of scientific articles. The proposed modeling of the semantic structure is a new word in linguistics and is offered in few researches, the most distinguished of which are dissertation researches of M.A. Osadchiy “Frame-propositional modeling of families of cognate words (using the lexical units of Russian national dialects)” [1] and A.N. Shabalina “Frame-propositional organization of fragments of families of cognate words describing the field of trade” [2].

The proposed Educational Frame-propositional Russian-English Dictionary is organized on theme principle. Lexical units are presented in the Dictionary in groups of cognate words; their semantics is within the limits of one conceptual sphere. The peculiarities of situation structuring are correlated with the characteristics of thinking structures organization: frame and proposition. Person activity description through situations, objectified with cognate words, allows depicting everyday notions of a language speaker, to explain peculiarities of person's mentality and to specify social stereotypes of thinking, influencing practical activity and social stand of an individual.

Methods of entire selection, frame-propositional modeling, introspection, description and comparative analysis are applied in the project. Lexical units correlated to different conceptual fields, for example RELIGION such as *orthodox*, *Catholicism*, *Protestantism*, *icon*, *devotion*, *cross* and so on are compiled using the method of entire selection. Cognate words are organized in frames – totalities of situations which describe the fragments of reality correlated to trade, religious, scientific and so on realm. Correlated frames of Russian and English languages undergo comparative analysis based on specific knowledge on cultural studies, history of religion, social linguistics, intercultural communication, cognitive linguistics, psycholinguistics, ethno psychology, literature studies and national epos.

Dictionary entries are advanced with the author's foreword explaining theoretic grounds of the offered model of families of cognate words which allows the reader working singly with the stated frames. The design of dictionary entries is required by the Dictionary specific character: an attempt to interrelate two worlds, two kinds of mentality demands mirror-like presentation of the researched correlated frames. Every Dictionary spread contains a Russian frame (in the left part) and an English frame (in the right part) with a compulsory comment on the situations described.

The ground for the proposed modeling is the hypothesis supposing that the cognate words describing one objective sphere are in situation relations, in which the following components are specified: subject (*S*), predicate (*P*), object (*O*), instrument (*I*), process (R_ρ), result (*R*), location (*L*) and time (*T*). Filling the scheme of the situation with **cognate** words, compulsory (position of a predicate) and auxiliary (somebody, something, during the time, in the process of) non-cognate elements allows us presenting lexicalized situation which correlates to the situation of the real world and its image in the conscious mind of a person. Separate themes are specified within the frame to denote particular topics taken into consideration by the categorizing mind of a thinking person. Usually it is the meaning of the verb which implies the latent situation as the denotate of the verb is situation which we make explicit through restoring of compulsory participants of the situation correlating to the actants of the proposition – the basic concept of thinking activity, focused on perception,

storing and reproducing information.

An example of prospective Dictionary pages containing a Russian frame **ПРОПОВЕДЬ** and an English frame **PREACH**, revealing stereotype situations for ordinary people speaking Russian and English languages is listed below (all the meanings of the **cognate** words and non-cognate elements are given in English in this article to facilitate the reading except for Russian **cognate** words which preserve original spelling in Cyrillic alphabet):

<p>ПРОПОВЕДЬ</p> <p><u>preaching</u></p> <p>I. проповедник (<i>preacher</i>)/ (X) smb проповедующий (<i>preaching</i>) (S) – проповедует (<i>preaches</i>) (P) – проповедь (<i>preach</i>) (O) – in the process of проповедования (<i>preaching</i>) (R_o);</p> <p><u>spreading of teaching, ideas, opinion</u></p> <p>II. проповедник (<i>he-preacher</i>)/ проповедница (<i>she-preacher</i>)/ (X) smb проповедующий (<i>one who spreads some kind of teaching, ideas, opinion</i>) (S) – проповедует (<i>spreads teaching, ideas, opinion</i>) (P) – teaching, ideas, opinions (O) – in the process of проповеди (<i>spreading some kind of teaching, ideas, opinion</i>) (R_o).</p>	<p>PREACH</p> <p><u>preaching</u></p> <p>I. preacher/ (X) smb preaching (S) – preaches (P) – preach/ preaching (O) – in the process of preaching (R_o);</p> <p><u>lecturing, reprimanding</u></p> <p>II. preacher (<i>scornfully. one who likes to reprimand, lecture</i>), (X) smb preachy (<i>one who likes to reprimand, lecture</i>) (S) – preaches (<i>reprimands, lectures</i>) (P) – in the process of preaching (<i>scornfully. reprimands, lectures</i>) (R_o).</p>
--	---

Comparative analysis of frames **ПРОПОВЕДЬ** and **PREACH** allows seeing that the theme preaching is presented with a predicate and three components of the situation: subject (S), object (O) and process of action (R_o). We assume that the similarity of participants of Russian and English propositions is explained by the peculiarity of the situation described – Christian preach – common for both cultures. At the same time emotionally specified situation with negative evaluation of lecturing, reprimanding is singled out within the English frame which is not in the Russian one. On the contrary the Russian frame **ПРОПОВЕДЬ** includes positively estimated situation of spreading of teaching, ideas, opinion. We think that the stated difference is caused by the historic background at which the meanings of the words were formed, and reflect the peculiarities of national language world picture of each country. At Anglican Episcopal Church the services were held and still are in English language understandable for the parishioners. The content of the preach itself includes both telling about Christ's life and instructions to people about their proper behaviour in their everyday life. It is evident that the concept of the preaching being lecturing on righteous way of living was correlated in the consciousness of English-speaking people to the concept of morality being annoying attribute which was tried to get rid of in everyday life. In Russian Orthodox Church the service was traditionally held in canonical Slavic language not understandable for the parishioners. It is probable that the strange and obscure aroused

Teoria i praktyka – znaczenie badań naukowych

reverence on behalf of the listeners and contributed to the filling of the word with lofty and noble sense.

We can also offer comparative presentation of correlated notions of morning and evening meal in Russian and English language (cultures):

<p style="text-align: center;">ЗАВТРАК</p> <p style="text-align: center;"><u>eating breakfast</u></p> <p>I. (X) smb (S) – завтракает (<i>eats breakfast</i>) (P) – завтрак (<i>2. food prepared for morning meal</i>)/ завтрачек (<i>diminutive for breakfast</i>) (O) – in the process of завтрака (<i>1. morning meal</i>) (R_φ);</p> <p style="text-align: center;"><u>completion of breakfast</u></p> <p>II. (X) smb (S) – позавтракал (<i>completed the process of breakfast</i>)/ отзавтракал (P);</p> <p style="text-align: center;"><u>excess consuming of food</u></p> <p>III. (X) smb (S) – назавтракался (<i>stuffed himself in the process of morning meal; ate too much</i>) (P).</p>	<p style="text-align: center;">BREAKFAST</p> <p style="text-align: center;"><u>serving breakfast</u></p> <p>I. (X) smb (S) – breakfasts (<i>2. serves breakfast</i>) (P) – breakfast (<i>morning meal</i>) (O);</p> <p style="text-align: center;"><u>eating breakfast</u></p> <p>II. (X) smb (S) – breakfasts (<i>1. eats breakfast</i>) (P) – breakfast (<i>morning meal</i>)/ breakfast food (<i>Am. oatmeal flakes</i>) (O);</p> <p style="text-align: center;"><u>feeding breakfast</u></p> <p>III. (X) smb (S) – breakfasts (<i>2. feeds with breakfast</i>) (P) – with breakfast (<i>morning meal</i>) (O).</p>
--	--

Both Russian frames (**ЗАВТРАК** and **УЖИН**) focus on three essential components of morning and evening meals: eating of meal, completion of meal and excess consuming of food. Completion of meal can be described by different prefix forms of the verb which have slight semantic differences: lexical units **позавтракал** and **поужинал** are stylistically and emotionally neutral, they just state the fact of completion of the process of meal without any extra semantic evaluation. Using the form **доужинал** the speaker specifies the meaning that the subject of the process managed “to reach the end of the process of eating, having eaten everything what he wanted to eat”. The semantics of this verb implies the consideration of the meal event from its beginning till its end. Using the forms **отзавтракал** and **отужинал** the speaker considers the meal event with the quite opposite direction of state: from the end of the meal till its beginning. These forms sound slightly old-fashioned for the Russian ear and a bit pompous. Peculiarities of Russian frames are clearly seen in specifying the situations of overeating either in the process of morning (III situation) or evening (IV situation) meal.

English frame **BREAKFAST** specifies situations: serving breakfast, eating breakfast and feeding breakfast. English frame **SUPPER** focuses on two main topics: supper in and supper out which can also be subdivided into smaller groups but we consider it unnecessary. The lexical unit **supperless** provokes the generation of a negative situation which states the condition opposite to the condition of the previous situation. Lexical units with negative meaning provide the conditions for verbalization of the situation as well as meanings of

the verb do (as we stated above). Lexical units **supper club**, **supper-party**, **supper-dance** and **supper-quadrille** also serve to restoration of the situations implying location, time and object of the predicated actions. Greater development of the English frame **SUPPER** in comparison with the Russian frame **УЖИН** reflects culture tradition of English people to supper out at different places which is objectified by the forms of cognate words. Situations of English frames model prototype schemes of eating behaviour of English people underlying different application of the meal action: directed to the eating person himself (BREAKFAST: II situation; SUPPER: III, IV, VI situations), and directed from the feeding person to the eating person (BREAKFAST: III situation; SUPPER: II situation).

The presented type of a Dictionary will definitely be helpful in studying English language by Russian speakers and in studying Russian language by any people who manage English language.

REFERENCES:

1. M.A. Osadchiy, *Frame-propositional modeling of families of cognate words (using the lexical units of Russian national dialects)*. Author's abstract of dissertation ... Master in Philology. – Kemerovo, 2007.
2. A.N. Shabalina, *Frame-propositional organization of fragments of families of cognate words describing the field of trade*. Author's abstract of dissertation ... Master in Philology. – Kemerovo, 2008.

Труфанова И.В.

доктор филологических наук, доцент, Московский институт открытого образования

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, АГНОНИМЫ, НЕОЛОГИЗМЫ В ”SOLUS REX”
В.В. НАБОКОВА**

«Solus Rex» обычно переводят на русский язык как одинокий король. Этой перифразой В.В. Набоков обозначает язык. В каком случае язык бывает одиноким? Во-первых, Язык с большой буквы как величайшее средство человеческого общения, который был объявлен предметом изучения в спекулятивных грамматиках средневековья, во-вторых, индивидуальный стиль одного человека: писателя, учёного, оратора. Solus в переводе с английского – один, в одиночку, но и единственный, исключительный. Многозначность слова не снимается в названии набоковского неоконченного романа. Язык индивидуальный является единственным, неповторимым только в случае мастерского владения им. В.В. Набокова интересует их диалектика, ступени, переход от одного к другому. Язык с большой буквы нельзя услышать, увидеть, потому что он существует лишь в этнических разновидностях, каждая из которых тоже представлена лишь разновидностями: территориальными, социальными, функциональными (в древних обществах уже есть язык жрецов, непонятный остальным без специального обучения ему). В «Solus Rex» ключевое слово метаполитика. Rex в немецком не только король, но ещё ректор, директор, т.е. высший представитель власти в социальном институте. Многозначность это слова сохраняется, потому что происходит приращение к значению «король» художественного значения: высший представитель власти в социальном институте. В.В. Набоков, опережая работы П. Серию, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, пишет, что власть может управлять народом, лишь создавая миф о себе, этот миф отражается в публицистическом стиле. У В. В. Набокова он отражается в именах собственных, неологизмах и агнонимах. Кроме агнонима и неологизма метаполитика (у В.В. Набокова это Политика с большой буквы, то общее, что есть в политике любого государства, любой власти, в чём состоит существо политики), важным для понимания замысла, темы романа является агноним: элевация. Он появляется в связи с упоминанием инженера, который хотел поднять земли острова, создав здесь горы. У слова есть и другие значения. Элевация – подъём, возвышение в классическом танце, состоит из двух элементов: высокого прыжка и баллона – способности в воздухе как можно дольше сохранять позу и положение, принятые на земле [15]. Удержание власти похоже на элевацию в классическом балете. В философии элевация – это поднятие, возвышение, возведение содержания и смысла простых понятий до более сложных; поиски в простом особенностей, которые позволяют поднять простое до уровня сложного [16]. Например, поднятие от языка к Языку, от власти в племени до метаполитики. Элевация (высота расположения в поле зрения) – признак глубины или удалённости, основанный на том, что, как правило, линия горизонта располагается в поле зрения выше по вертикали, чем передний план. Соответственно, если в поле

зрения наблюдателя на разной высоте находятся два объекта и ему кажется, что они оба лежат ниже линии горизонта, то более удалённым ему будет казаться объект, который располагается выше [17]. Власть ощущается как высокая тогда, когда она устанавливает и держит дистанцию с народом. Чем больше дистанция, тем она незыблемее и сильнее.

Если бы роман был окончен, В.В. Набоков рассмотрел бы и язык науки, и язык искусства, такое предположение позволяет сделать «Ultima Thule». Язык интересует писателя как средство постижения и выражения, формулирования истины. Какая из его разновидностей лучше других выполняет эту задачу – на данный вопрос ищется ответ. М.М. Бахтин полагал, что ни одна, что истина обнаруживается на границе, в диалоге двух и более разновидностей Языка и языка при их соотношении с окружающей действительностью [2]. Пристрастие В.В. Набокова к мультиязычным каламбурам [8] позволяет полагать, что он согласился бы с М.М. Бахтиным.

Почему В.В. Набоков обратился к теме языка в 1940 г.? Он решает, на каком языке он будет писать дальше, выбирая между английским и французским. В предисловии к «Solus Rex», последнем произведении на русском языке, он пишет, что основная трудность состояла в том, что ему нужно было перейти с индивидуальной разновидности русского языка на индивидуальную разновидность английского [7, с. 659]. И. Ронен обратила внимание на то, что в период работы над «Solus Rex» предметом чтения В.В. Набокова «на металитературном уровне» были «Египетские ночи» А.С. Пушкина, потому что в незавершённых «Египетских ночах» присутствует мотив языкового барьера: итальянский язык импровизатора остался малодоступен его аудитории [10]. Языковая тема поднимается В.В. Набоковым в рассказах «Встреча» и «Ужас». Во «Встрече» как тема поиска, вспоминания нужного слова (клички собаки Шутик). В «Ужасе» ужас, переживаемый персонажем, – это ужас отсутствия готового языка и трудности его создания, персонаж видит вокруг только хаос, потому что у него нет языка, сквозь призму которого он воспринимал бы мир как привычный.

В «Solus Rex» В.В. Набоков создаёт язык островного северного государства. На нём приводятся отдельные слова и фразы с переводом в скобках. Ему принадлежат имена собственные. Мы рассматриваем «Solus Rex» как отдельное законченное произведение, поскольку оно неоднократно публиковалось как отдельное произведение [ср. трактовку «Solus Rex» как гипертекста: 4].

Приведём некоторые образчики созданного В.В. Набоковым языка. «Вспомните самые дремучие времена, власть mossmon ов (жрецов, «болотных людей»), поклонение светящемуся мху и прочее, а потом... первые языческие короли, – как их, Гильдрас, Офодрас и третий... я уж не помню, словом, тот, который бросил кубок в море, после чего трое суток рыбаки черпали морскую воду, превратившуюся в вино... Solg ud digh for je sage vel, ud jem gotelm quolm osje musikel, – (сладка и густа была морская волна, и девочки пили из раковин, – принц цитировал балладу Уперхульма)» [9, с. 92]. Слово mossmon – сложное, moss переводится с английского как мох, лишайник, болото, судя по комментарию и предлагаемому повествователем переводу, третье и первое значения присущи слову одновременно, вторая часть должна бы быть: men. В немецком moos – мох, зелень, деньги, значит, жрецы – люди не только мха и болота, но и денег. Кроме имени поэта Уперхульм, в произведении упомянут свирхульмский поход. Hulm в переводе с английского сухие стебли и

листья, солома, угольная мелочь, антрацитовый штыб, urper – верхний, наверху расположенный, высший, старший, северный (можно перевести фамилию поэта как Суховерхов), swirl – водоворот, кружение, воронка, вихрь. Если принять к сведению, что на острове есть действующий вулкан, то фамилию поэта можно связать с застывшей лавой, а место сражения окажется в воронке вулкана, в непотухшей лаве. Гильдрас и Офодрас – сложные слова. Где граница между корнями? Как выглядит второе слово: драс или рас? Gild в английском золотить, украшать, снабжать деньгами. Dress (Dreß) в переводе с английского и немецкого одежда, платье. Гильдарс – в золочёной одежде. Off в английском указывает на отдаление, удаление от чего-либо, на дистанцию, расстояние, на снятие одежды, выключение механизма, оригинальность, низкосортность. Офодрас – вряд ли голый, фамилии первых правителей сообщают о разных ступенях приобретения власти: вначале деньги, золото, затем дистанция, подчеркнутое отличие от подданных. Выключение механизма ассоциативно связано с действующим вулканом и действующим маяком, построенным на вулкане. Drastikos в греческом – деятельный, энергичный. Офодрас – удалённый от деятельности. Во французском и немецком off – голос за кадром. Правитель создаёт язык власти, но, возможно, править с помощью этого языка начинают другие. Фраза из сочинения поэта Уперхульма не переводится ни на один из европейских языков. Слово gotelm анаграммой связано с golem – во французском монстр, в еврейском – глиняная фигурка человека, наделяемая жизнью с помощью магической процедуры. Имя третьего правителя принц не вспомнил, но читатель получает представление о третьей ступени обретения власти. God – бог, elm – вяз, всё слово обозначает деревянного божка. Принц Адальф говорит: «возьмите всю нашу историю, и вы увидите, господи, что корень власти всегда воспринимался у нас как начало магическое и что покорность была только тогда возможна, когда она в сознании покоряющегося отождествлялась с неизбежным действием чар. Другими словами, король был либо колдун, либо сам был околдован – иногда народом, иногда советниками, иногда супостатом, снимающим с него корону, как шапку с вешалки» [9, с. 92].

В островном государстве, кроме короля, правит парламент – пеплерхус, о котором сказано, что при короле Гафоне он, «как тусклый и трескучий ночник, едва светился» [9, с. 89]. В русском пепел (от действующего вулкана), в немецком междометие huß – усь, ату, в английском реpper – перец, острота, реорле – люди, нация, народ, во французском реupler – населять, жить, разводить, наполнять, размножаться, плодиться. Парламент – место, наполненное остротами и междометиями усь, ату. Это слово можно интерпретировать и как состоящее из трёх корней. Per – в английском бодрость духа, энергия, подъём, воодушевление (то же в немецком и французском), а также усиливать, подгонять, оживлять, стимулировать, вселять бодрость духа. Lehr в немецком – образец, модель, шаблон, leer – пустой, порожний, необоснованный. Парламент – образец необоснованного, пустого, порожнего воодушевления, стимулирующий им и междометиями усь, ату подъём энергии у населения. Слово пеплерхус анаграммой связано с латинским герleo – наполнять, возмещать, восполнять, воодушевлять, заражать, сплошь покрывать, оплодотворять. Парламент плодит остроты, восполняя тем истинные утверждения о положении дел, заражая остротами население, которому приходится их повторять.

Предшественником нынешнего короля был король Гафон. Gaffen в немецком – глазеть, глядеть, ротозейничать; на его гербе написано: «видеть и владеть». Во французском gaffe [gaf] – грубая ошибка, промах, оплошность, бестактность, багор, в арго – тюремный сторож, стоящий на шухере. Надпись на гербе «видеть и владеть» («sassed ud halsem») остряки переделали в «кресло и ореховая водка» («sasse ud hasel»). В английском sassy – дерзкий, нахальный, бойкий; hale – крепкий; тянуть, тащить, заставлять идти; сема в переводе с греческого – значение; halsem – имеющий значение, авторитет, силу заставлять идти за собой. По-итальянски кресло – poltrona (полтрона), sasse в немецком – заячья нора. Тщетно король Гафон стремился владеть властью. Он был фоном для острот (га-га-га) парламента, звуком (от греческого фон – звук) за кадром. В английском gaff – ерунда, вздор, абсурд; базар, ярмарка. Гафон нечистоплотен, как rapugh (семинарист). Rapul в английском – сыпь, в латинском – прыщ, волдырь. Он любит чёрные сливы [9, с. 90], которыми лечат зуд и экзему [12]. Это и сторонник папы, и издающий бестактный звук.

Положение нынешнего короля не лучше, каждое утро к нему приходит конвахер Фрей, что значит ахающий конвоир Свободный. В самом начале сообщается, что нынешний король просыпается во время смены wagh – стражи, предупреденной и дополуденной. Конвахер – от конвой, wagh, con – в английском управлять рулём, штурвалом, кораблём; вести судно; контраргумент, голос против; обман, афёра, надувательство, мошенничество; обманный; обманывать. В английском watcher – сторож, часовой, эксперт, наблюдатель, в поэтическом языке глаз, хранитель; во французском vacher – пастух, скотник. Обманной является связь его имени со свободой.

Принц Адульф вместо трона получит дулю – шиш, кукиш, фигу по-украински, неслучайно его прозвище Дуля. В переводе с латинского adulo – смахивать, стирать, заговорщички намерены его убить.

Когда королю Гафону докладывают о забавах принца Адульфа, он обещает сослать сына на полгода в suuphellhus (корабль-монастырь, плавучий скит). В английском hell – ад, преисподняя, sup – прихлёбывать, отхлёбывать, глоток. Адульфа отправят в монастырь хлебнуть глоток ада.

Экономист Гумм – главный среди заговорщиков. Gum по-английски – десна; невыносимая болтовня, трещание; жевательная резинка; резина; опиум; угольная мелочь; клей; склеивать, приклеивать; прилипать; становиться липким, клейким; надувать, обманывать. Hum в переводе в французского и немецкого междометие гм, в переводе с английского жужжать, гудеть, звенеть; жужжание, гудение, глухой продолжительный шум; обман, ложь; вонь. Guum в латинском – совместно, в союзе с, при посредничестве, вместе с. наряду с, одновременно, заодно с. против. Роман «Под знаком незаконнорождённых» В.В. Набоков первоначально предполагал назвать “Solus Rex” или “Game to Gunn” [5, с. 248]. Gunman – это человек, имеющий при себе оружие, террорист, вооружённый бандит.

Среди заговорщиков юрист Шлисс. Schließen в переводе с немецкого закрывать, крепость.

Министр двора – Готсен. Got в английском – получить в собственность, стать обладателем; sen – разменная монета в Японии, Камбодже, Индонезии. Этимология god – бог – позволяет заключить, что министры и религию используют как разменную

монету. На продажность политиков в произведении много и других указаний: напр., «шашни метаполитики» [9, с. 91].

Основатель нынешней династии – Рогфрид, называющий свой «шаткий трон» «бочкой в море» [9, с. 93]. В латинском *rogō* – спрашивать, запрашивать, просить, упрашивать, приглашать, вносить предложение. *Friden* – мир по-немецки. Рогфрид – просящий о мире, покое, согласии.

Учёный Онзе приносит себя в жертву. *Onset* в переводе с английского: атака, нападение, натиск; начало, наступление; в лингвистике приступ, начальные согласные слова. Оклеветание учёным самого себя заговорщически использовали для наступления, атаки, натиска на принца, поскольку Онзе пороки принца приписал себе. *Once* в английском и французском – раз, один раз, разок, капля. Знаменитый процесс над Онзе – «единственная попытка расшевелить страну» [9, с. 104]. *Onco* в латинском звукоподражание, передающее крик ослов. Он и *the [ze]* – показатели определённости в русском и английском языках, указание на предшествующее упоминание, отсылка к прежде сказанному. «Постоянно занимаясь вопросами духа и к хрупчайшим отвлечённостям приспособляя законы твердейших принципов, доктор Онзе не нашёл возможным отказаться от личного применения того же метода, когда представился случай совершить бескорыстный и, вероятно, бессмысленный (т.е. чистейший, а значит, всё-таки отвлечённый) подвиг» [8, с. 105]. В.В. Набоков иронизирует над методами элевации Онзе: за его именем нет предмета. А. Арьев полагает, что «самыми отвратительными Набокову кажутся люди, которые следуют общим идеям, а если говорить аналитически, те, кто верят в априорные истины» [1, с. 363]. О нынешнем короле говорится, что он испытывал изнурительное раздражение, когда приходилось сталкиваться «с тем, что было не более чем глянец условности на бессмысленном и, может быть, даже отсутствующем предмете» [9, с. 86].

О том, что элевация является одной из тем рассказа, в нём есть намёк. Первый – использование термина из спора средневековых реалистов и номиналистов: «Но народ и так отлично знал номинальную цену принца» [9, с. 107]. Второй – более изощрённый: сообщается, что под окном спальни Кр. валялись банки из-под национальных консервов «Помона». Помона – римская богиня фруктовых и ореховых деревьев, супруга бога Вертумна, бога изменений и превращений, который, чтобы добиться её расположения, многократно менял обличья. Помона и Вертумн изображались на картинах, посвящённых временам года. В изобразительном искусстве вначале времена года изображали в виде богинь и богов, затем в виде людей (весна – женщина, разбрасывающая цветы, лето – держащая в руках серп и колос, осень – виноградную кисть, зима – женщина, кутающаяся в покрывало). В средние века устанавливается традиция связывать времена года, месяцы с разными видами сезонных работ (напр., январь олицетворяет дровосек, рубящий деревья или собирающий хворост в зимнем лесу; февраль – прививающий фруктовые деревья; март – крестьянин, подрезающий виноградник и вскапывающий землю; апрель – возделывающий виноградник; май – соколиная охота либо весенний сенокос; июнь – летний сенокос; июль – жатва и обмолот зерна; август – сбор урожая и вспашка поля на волах; сентябрь – сбор винограда и приготовление свежего вина; октябрь – осенний сев и разлив вина по бочкам; ноябрь – заготовка дров, сбор оливок и выпас свиней; декабрь – закалывание свиней к Рождеству и веселое застолье). При этом каждый

месяц связывали ещё со знаком зодиака, таким образом отражая связи неба и земли, духовного и материального, в философском смысле – осуществление божественного промысла. По-своему тему времен года решил выдающийся художник Северного Возрождения Питер Брейгель Старший (1526–1569). Он создал цикл не из четырех, как обычно, или двенадцати картин (по числу месяцев года), а из шести картин: каждая отражает состояние двух месяцев, в картинах действуют люди, занимаясь обыденными сезонными делами, но главное – настроение природы, проявленное через мироощущение человека: «Охотники на снегу» – декабрь, январь; «Возвращение стада» – октябрь, ноябрь; картина, посвящённая уборке зерна, – август, сентябрь; картина, посвящённая уборке сена – июнь, июль. А. Дюрер, братья Бехам изображали каждый месяц в виде танца крестьян. Н. Пуссен (1594–1665) соединил изображение времён года с библейскими сюжетами: «Лето» – жатва и сюжет о моавитянке Руфи, «Осень» – о посланцах Моисея в страну обетованную, «Зима» представляет сцену из Всемирного потопа, в «Весне» изображен Рай с фигурами Адама и Евы. Диалектика конкретного и абстрактного актуальна не только для науки, политики (обобщения в речи принца Адольфа), обыденной речи (обобщения в речи повествователя), но и искусства.

Благодаря процессу над Онзе обогатился чиновник почтового ведомства, ставший владельцем нескольких вновь открытых газет, Сиен – сообщник, сторонник, близкий, свой в переводе с французского. Seen [si:n] в английском – видевший, осматривавший (на заседании заговорщиков его взгляд на себе неоднократно замечает Кр.); в латинском – деспот, патрон, властелин, повелитель.

Главное событие в «Solus Rex» – взрыв бомбы на мосту через Эгель. В латинском *egelo* – отогревать, во французском *geler* – замораживать, гасить энтузиазм, леденить, превращать в лёд, убивать желания, блокировать. Мост через Эгель – мост, соединяющий противоположности. *Egal* в немецком и французском – равный, одинаковый. Мост через Эгель – мост, соединяющий эквивалентные, похожие вещи. *Egg* [eg] в переводе с английского – яйцо, бомба, граната (на мосту произойдёт взрыв бомбы); подстрекать, провоцировать, забрасывать яйцами. Эгель в иврите – шар и золотой телец. Мост через золотого тельца и (земной) шар (космос) – это мост, соединяющий с потусторонностью. В арабском [а л] (с г фрикативным) – самый дорогой, так что мост через Эгель – это мост через противоположности (материальное и духовное) и через эквивалентности (самым дорогим для кого-то являются деньги, для кого-то духовные ценности).

Таким мостом у В.В. Набокова может быть только творчество. А. Арьев писал о рассказе «Solus Rex»: «Как выход, как преодоление этого двойного мира (мира конкретного и абстрактного, материального и идеального – И.Т.), потому что как минимум один из этих миров не истинный, как преодоление такого дуализма появилось у него представление о творчестве, которое как бы шире жизни, вбирает в себя и реальное, и номинальное в ней. (...) Вот это переживание, объёмлющее жизнь, переживание, которое включает в себя и потустороннее, хотел, мне кажется, выразить своими произведениями Набоков» [1, с. 361].

Нынешний король, будучи студентом университета, играл в *vanbol*. *Vano* в переводе с испанского – нереальный, несбыточный, тщетный, дверной и оконный проём. Дверь и окно у В.В. Набокова – знаки перехода от одного мира к другому.

Во французском и испанском бол – чаша. Во что же играл Кр.? Мяч в английском и немецком – ball, в русском передаётся как: бол. Кр. играл в метаяч, в мяч вообще, в нереальный мяч, во все или многие игры в мяч?

Со словообразовательной точки зрения созданные В.В. Набоковым неологизмы и имена собственные можно разделить на две группы: имеющие одну мотивацию (как Рогфрид, король Эдарик – бездарный, Дуля или «бич научного мира» [9, с. 90] профессор Скунк – воючка,) и на полимотивированные (как Гафон, Офодрас, пеплерхус, Гумм, Онзе и др.). Внутреннюю форму имеют и те, и другие. Преимущество полимотивированных имён в том, что они передают больше информации, создают возможность нескольких вариантов интерпретации представленных в тексте событий и оценки людей, демонстрируя сложность мира, диалектику разных точек зрения на окружающее, разных не только в плане большей конкретности или абстрактности, но и продиктованных разными системами ценностей.

Всякое слово уже обобщает. Степени обобщения, виды обобщения в нём различные. Лексическое значение слова несёт информацию о предмете (денотат), который им обозначен, о понятии, об оценке предмета (коннотация, включающая внутреннюю форму). Но и знания о предмете, и его оценки, и внутренняя форма имени могут быть различными у носителей разных языков и одного языка. У одних людей слово является средством выражения понятий, у других – функциональных эквивалентов понятий: псевдопонятий, комплексов, синкрет [3; 13; 14]. В слове уже заключена диалектика конкретного и абстрактного, являющаяся одной из тем «Solus Rex», оно используется и для производства истинных суждений, и как средство лжи, им же выражаются ошибки и заблуждения.

Список литературы

1. *Арьев А.* Отражение в аспидной доске: о рассказах “Solus Rex” и “Ultima Thule” В. Набокова // *Revue des etudes slaves*. Т. LXXII, fasc. 3–4. Vladimir Nabokov dans le miroir du XXe siècle. – Paris, 2000. – P. 353–370 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_2000_num_72_3_6667
2. *Бахтин М.М.* Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 72–233.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Собр. соч.*: В 6 тт.: Т. 2. – М: Педагогика, 1982. – С. 120–290.
4. *Гимельберг А.* Гипертекст как принцип творчества В. Набокова («Бледное пламя», «Solus Rex», «Оригинал Лауры: смерть смешна») // *Притяжение, приближение, присвоение: вопросы современной литературной компаративистики*. Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.О. Ласкиной, Н.А. Муратовой. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – С. 55–63.

5. Джонсон Д.Б. Миры и анти миры Набокова. – СПб.: Symposium, 2011. – С. 243–294.
6. Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Долинин А. Примечания к роману В.В. Набокова “Solus Rex”// Набоков В.В. Русский период. Собр. соч: В 5 тт.: Т. V. – СПб.: Симпозиум, 2005. – С. 658–664.
8. Люксембург А.М., Рахимкулова Г.Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). – Рост.-н/Д: Изд-во ин-та массовых коммуникаций, 1996. – 202 с.
9. Набоков В.В. “Solus Rex”// Набоков В.В. Русский период. Собр. соч: В 5 тт.: Т. V. – СПб.: Симпозиум, 2005. – С. 85–112.
10. Ронен И. Пушкинская тема в незавершённом романе Набокова «Solus Rex»// Звезда. – 2008. – № 4 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/4/ro11.html>
11. Серю П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 2002. – 416 с.
12. Слива // Энциклопедия символики и геральдики // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A1%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0>
13. Труфанова И.В. Функциональные эквиваленты понятий как объект языковой игры в литературе абсурда, нонсенса, игровой поэтики // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. – Вып. XXXV. – М.: Прометей, 2006. – С. 246–270.
14. Труфанова И.В. Функциональные эквиваленты понятий как объект языковой игры в литературе абсурда, нонсенса, игровой поэтики. Статья 2 //Девятые международные Виноградовские чтения. Функционирование языка и речи. – М.: МГПУ, 2006. – С. 208–214.
15. Элевация – Википедия // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EB%E5%E2%E0%F6%E8%FF>
16. Элевация // Кикель П. Краткий философский словарь // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/176/word/yelevacija>
17. Элевация // Шиффер Р. Психология ощущений. Глоссарий к книге. – М., 2004 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/493/word/yelevacija-vysota-raspolozhenija-v-pole-zrenija>

Садовая А.Ю.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии

Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТОРЕЧНЫХ ЕДИНИЦ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.И. ЯНВАРЕВА

Как известно, литературное просторечие – весьма продуктивный, активно развивающийся разряд стилистически маркированных средств, постоянно пополняемый из разных источников – в художественном языке служит средством речевой характеристики персонажей, а в авторском тексте – средством создания стиля, близкого к разговорному. Известно также, что современные писатели достаточно часто и свободно употребляют просторечные слова в авторском тексте [1, с. 10].

Целью данной статьи является анализ особенностей языка Э.И. Январева на основе выявления семантического своеобразия и функциональной специфики 654 просторечных единиц, обнаруженных в его произведениях [7].

Эмиль Израиевич Январев – замечательный поэт, который жил и работал на рубеже веков, отражая в своем творчестве как воспоминания о прошедших временах, так и раздумья о новом веке, полном сложности и драматизма. Автор использует множество просторечных единиц, которые являются формами передачи его уникального личностного восприятия действительности. На выбор таких единиц могут воздействовать религиозные, социальные, политические, психологические и другие воззрения писателя. Преподавать художественную картину мира так, чтобы она была понятна и близка читателю и не была в отрыве от реальности, – одна из задач, стоящих перед автором и одна из важнейших целей творимого им произведения.

Речь интеллигентного человека в идеале должна быть совершенно свободна от просторечных элементов. Однако не является исключением то, что они все же встречаются. Это вызывается разными причинами. В одних случаях – своеобразным маскарадом, когда говорящий сознательно переключается на чужой социолект, заимствуя, цитируя не свойственные его обычной речи черты с целью передразнивания, паясничания, шутовства [6, с. 133].

При семантическом анализе просторечных единиц в языке Э.И. Январева представляется целесообразным использовать ономаσιологический подход к анализу организации лексики (от понятия к языковым средствам выражения), нашедший в последние несколько десятилетий широкое распространение в лингвистике. [2; 3].

Просторечные единицы представляется возможным систематизировать, используя «Древо Порфирия», синтезирующее классификацию субстанций и сущностей, предложенную Аристотелем. Порфирий выделяет телесную и бестелесную субстанции. Тела, по его мнению, подразделяются на неодушевленные и одушевленные. Все живое, в свою очередь, может быть нечувствующим (растения) и чувствующим неразумным (животные) и разумным (человек). Модифицированное

«Древо Порфирия» является основой семиологической классификации имен, которая отражает естественную, т. е. данную в природе, классификацию всех ее составляющих [5, с. 24]. Ономастиологический подход к исследованию лексики позволяет объединить просторечия в семантические поля и лексико-семантические группы.

Все просторечные единицы, обнаруженные в произведениях Э.И. Январева, разделены нами на следующие семантические поля: «Человек», «Предметы», «Природа», «Абстрактные понятия», которые в дальнейшем членятся на лексико-семантические группы и подгруппы.

В самом многочисленном поле «Человек» (360 просторечных единиц) нами выделены следующие лексико-семантические группы: «Действия человека», «Качества человека», «Социальные характеристики», «Части тела».

Среди просторечий, объединенных в семантическое поле «Человек», самой обширной является лексико-семантическая группа «Действия». В данной группе представлены просторечия, посредством которых Э.И. Январев воспроизводит динамику разнообразных действий человека: «Рванула стремительно с места...»; «...ключ в замочную скважину тычешь...»; «...ты забыла на кухне авоську – Я сметаюсь, картошку куплю...»; «Я жить хочу, как все: вот я тащу картошку...»; «...надрал свои ордена и медали – Слепят на свету...»; «...даже по трибуне грохнуть кулаком...»; «...в Очаков двинула...»; «...ножницами клацая...»; «...как по жизни помотало...» и др.

Просторечные единицы лексико-семантической группы «Действия» передают также физическое, моральное состояние, ощущения человека «Он из госпиталя вышел, оклемался, в общем...»; «Я хворал...»; «...выменяешь – буду жить, если нет – помру...». Пристальное внимание автор уделяет глазам человека, взглядам, следит за выражением, движениями глаз: «...из рядов глаза таращат...»; «...В застиранной гимнастерке, в начищенных сапогах. Надламывая «воздушку» он отчаянным взглядом шарил по стенду...»; «...взгляд невидящий солью набряк...»; «...гляди, как оплошала атмосфера...».

Ряд просторечий характеризует разнообразные поступки человека: «Я знаешь чего сотворю: махну я рукою – прощайте, кружитесь, а я отвалю...»; «...наконец, дорвался до этих мокрых трав...»; «...о возрасте на времечко забыть И все свалить на хлипкую погоду...»; «Так, значит, покуда я в дебри влезал...»; «...Я читал. Я упирал на суть...»; «...О, памятью все заграбастать!...»; «...чудом о тайном желанье пронюхав...»; «... я вызубрил его лицо...»; «...но все ж докумекал...»; «...напривираю про жисть-жистянку...».

В семантическом поле «Человек» есть также отдельная группа «Качества человека»: «...и родили им, доброглазым, кто девчонок, а кто пацанят...»; «...холостяк известный – набрильянтиненный человек...»; «...здесь был я счастливей других, смуглее, худее, забытей...»; «...о, кто не мечтал посвятить свою лиру и маме-старушке...». Благодаря обилию просторечных слов, обозначающих качества человека, читатель может подробнее представить не только характер героев, их привычки, но даже отчасти – внешний вид. Подобные просторечные единицы в авторских текстах наделены положительной коннотацией.

Так, например, частотным является использование просторечия молодуха: «...молодухи-торговки на рынке...»; «...рядом случилась как раз молодуха-

красавица...»; «...дарит молодуха ему свои голубые косыночки...». Как видно из представленных примеров, в ткани произведения данное просторечие имеет не только фиксируемое в словарях значение «молодая замужняя женщина» [4, с. 355], но и репрезентирует образ красивой привлекательной женщины, наполненный глубокой авторской симпатией.

В семантическом поле «Человек» выделяется также лексико-семантическая группа «Социальные характеристики», единицы которой несут информацию о социальном статусе героев: «...киночей неисправимых...»; «...я – летописец, вы – фантазеры, я – бытовик...»; «...вылитый парубок! Чистый рыбалка...». Для возрастных характеристик, передаваемых посредством просторечий, используются термины родства и наименования некоторых социальных ролей: «...В руках у парубков светились...»; «...взрослеют шкеты...»; «...ведь сынок не в зыбке – в лодочке-скорлупке»; «...не надо, кровинка, не надо сыночек...».

Многочисленной является лексико-семантическая группа «Части тела»: «...но что-то шепчут на ушко...»; «...реснички, смежайтесь!...»; «...и головушки постетифозные...»; «...что нет и морщинки?...»; «...сединка у виска...»; «...тут и очи отголубели...». Как видно из представленных примеров, Э.И. Январев обращает внимание прежде всего на лицо человека, всматриваясь и наблюдая практически за каждой его частью.

Следующим по численности просторечий, входящих в него (144 единицы), является семантическое поле «Предметы», в котором мы выделили такие лексико-семантические группы: «Признак предмета», «Название предметов быта», «Название сооружений», «Название одежды и ее частей», «Название продуктов питания».

Среди просторечий, объединенных в лексико-семантическое поле «Предметы», самой многочисленной является лексико-семантическая группа «Признак предмета»: «...дыша дымком столовского борща...»; «...мимо сочных духовитых беляшей...»; «...посмотреть на чуть жантильный старый танец...»; «...шел в казенной старенькой пижаме...»; «...тот стих, пускай пустяшный...»; «...И бока волов его прикрыли от дурного глаза, Да от кривды, от дурного слова, от гриба дурного...»; «...о возрасте на времечко забыть И все свалить на хлипкую погоду...»; «...В заправский митинг у селян...»; «...уйдет от пирса завода новехонький рудовоз...»; «...ослабела родственная связь – это горьковатая, но правда...»; «...и разговор получился тоже суховатым...»; «... в длиннющем списке...»; «...не надо, родимый»; «В школярской тетради его...». Как видно из представленных примеров, для большинства прилагательных этой группы характерно использование слов с диминутивными суффиксами, что передает авторское отношение к описываемому.

Следующей по численности является лексико-семантическая группа «Название сооружений», среди которых превалирует просторечие хата, проникшее из украинского языка: «Над хатой рыбацкой висит...»; «...Здравствуйте в мире, осенние хаты...»; «...И струился по хате дымок...»; «Ах, как меркнут в золоте тополя у хат...»; «...Просыпался в беленой хате...», «...в Очаков двинула, и хату, и леваду кинула...». В данной группе представлены и другие просторечия, преимущественно с диминутивными суффиксами: «...хибарка – три на шесть...»; «...отчалила в ночь терраска...»; «...когда театрик наш провинциальный был...»; «Раздевается подросток на закраинке мостка...»; «...он стоит, растерян, под щебечущим шатром...».

В семантическом поле «Предметы» выявлена лексико-семантическая группа «Название предметов быта»: «...или врубит похожий на наш, Все так же мерцающий ящик?...»; «хотя по телеку вчера...»; «...ты забыла на кухне авоську – Я сметаюсь, картошку куплю...»; «...и на тихой лавочке в печали помолчать...»; «...и сел на скамеечку...»; «...половина прочитана томика...»; «...оставались три стареньких фото, да пижама, да склянка чернил...»; «...у ней ридикульчик с мужской расческой...»; «...была бы нежесткой постелька...»; «...по коврику поздней травы...»; «...накрахмалены простынки...». Как видно из представленных примеров, просторечия этой группы используются автором для воссоздания бытовых реалий второй половины двадцатого столетия.

С этой же целью автор использует просторечия лексико-семантической группы «Название одежды и ее частей», с обязательным присоединением с диминутивных суффиксов: «...и замечала, что день с рукавчик...»; «...тогда он встал, от выпивки светясь, Собрал вещички, становясь степенным...»; «...он так пальтишко бедное распахивает...»; «...беспечная муза рукавичек...»; «...дарит молодуха ему свои голубые косыночки...».

В семантическое поле «Предметы» входят также лексико-семантические группы «Название продуктов питания»: «Еще кипятком кипит...»; «...другое время – и харчи другие...»; «... нам не хлеба единого надо и бокала пивца...»; и «Название средств передвижения»: «Дилижансик, приседаю на рессорах...»; «Паравозик одышливый «Ща» снова начал...».

Семантическое поле «Природа» (82 единицы) представлено лексико-семантическими группами «Животные», «Растения», «Местность», «Атмосферные явления».

Многочисленной является лексико-семантическая группа «Животные»: «...Шепну я о милом своей синичке и пчелке...»; «...то ли они сквозили ласточками над сквером...»; «...как же не рыдать ей, седенькой голубке...»; «...на Слободке птахи свищут...». Из представленных примеров видно, что Э.И. Январев в своих произведениях представляет в основном образы птиц, в частности обитающих на его родине – юге Украины.

В данное семантическое поле входят также лексико-семантические группы «Местность»: «...мне подняться на этот холмочек...»; «Я знал: весна, и осень, и глухнувший ставок...»; «...сухую земельку...»; «...тенью рыскал по стерне, хлопчика высматривал...», «Атмосферные явления»: «...ну и жарщица!..»; «...Тучка есть! Не хватает лишь дымки...» и «Растения»: «...на стол водружен кавун...»; «Уже на деревьях не держится листва...».

В семантическом поле «Абстрактные понятия» (16 единиц) представлены разнородные и разнообразные просторечные формы, так или иначе связанные с жизнью и взаимоотношениями людей: «О, наших мнений стычки...»; «...слова это извечные козни твои...»; «...она бежала дворовых ругачек...»; «верхом на моторе – лихая житуха...»; «...и бока волов его прикрыли от дурного глаза да от кривды...»; «...Задор стариковский, ей-богу, брехня...»; «...нашлешь какие хвори...»; «...и на меня хвороба движется такая же...»; «... И вы кого не переупрямите, дескать, все это блажь, ерунда...»; «... гнилой зимы унылая оттяжка...»; «...посреди толковица людского...»; «...с природою впритирку иная душить новь...»; «...ладони держит

враспыр...»; «...пешедралом, в трамвае, в такси...»; «Смотрит почти наивно, тараняще...». Просторечия данной группы могут также передавать обиходно-бытовые реалии: «...Ремонту нет конца: в душе и в доме хаос, два месяца враспыл...»; «...полет беспризорного духа: самоты, победы, разруха...»; «...сизжу в солдатской шинели, купленной на толкучке...»; либо окружающий мир: «Опять у неба не лады...»; «... и лиманные воды встают на дыбы...»; «...Лужи – вдрызг на куски...».

Таким образом, частое и разнообразное использование просторечий в произведениях Э.И. Январева обусловлено стремлением автора к повышению образности текста. По мотивам стилистической целесообразности, например для речевой характеристики персонажей, мастер слова вводит в ткань литературного произведения просторечную лексику, создает неологизмы, оригинальные обороты речи. И именно благодаря обилию просторечных слов читатель может подробнее представить не только характер героя, но его возраст, социальный статус и т.д.

Исследуя работу поэта с народными единицами языка, мы убедились в том, что Э.И. Январев виртуозно владеет просторечием своего времени, искусно вплетает просторечное слово в контекст, выражает своё позитивное отношение к описываемым событиям, создаёт колорит местности. Как правило, во фразе просторечие окружено единицами литературного языка, но настолько органично в этом окружении, что не вызывает ощущения чужеродного элемента: нет «швов» между просторечным и другими словами фразы.

Анализ просторечий в текстах произведений Э.И. Январева показывает, что их использование обусловлено сознательным употреблением, лишённым предвзятости и пренебрежения к ним. Своеобразное использование просторечного материала обусловлено жизненным опытом писателя, его речевой практикой, языковым сознанием и филологической интуицией.

В ходе исследования нами выявлена неравномерность номинирования отдельных участков семантических полей, «избыточное» число тождественных членов в некоторых лексико-семантических группах, что объясняется повышенным уровнем эмоциональности и экспрессивности, стремлением к мотивированности просторечной единицы и речевому самовыражению. Большинство компонентов просторечных семантических полей созданы автором на основе метафорического переноса.

Литература

1. Балахонова Л.И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики / Л.И. Балахонова // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 3. – С. 104–110.
2. Барменкова О.П. Компаративна модель світу в російській мові та її реалізація у творах І. Бабеля / О.П. Барменкова // Автореферат дис. ...канд-та філол. наук: 10.02.02 / Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. – К., 2003. – 16 с.
3. М'яснянкина Л.І. Порівняння в ідіостилі М. Шолохова / Л.І. М'яснянкина // Автореф.дис... канд.-та філол. наук. – Харків, 2004. – 16 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов., Н.Ю. Шведова / Российская АН.,

Россия; Российский фонд культуры. – 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

5. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиотическая грамматика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 306 с.
6. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
7. Январев Э. Поэзия. – 2010 [Электронный ресурс] – режим доступа к программе: <http://www.yanvarev.com/>

БОТАНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной статье проводится лингвистический анализ немецких фразеологических единиц с компонентом-флоронимом. На основе сопоставления значений отдельных компонентов ФЕ и значения единицы в целом, выявляются основные метафорические модели формирования фразеологической образности.

Материалом данной статьи служат фразеологические единицы немецкого языка (ФЕ) с компонентом-флоронимом (КФ), обозначающим составные части растения. Такие ФЕ с КФ входят в состав концептуальной метафоры «Человек – это растение». Фразеологизмы, содержащие компоненты «Keim», «Samen», «Stamm», «Zweig», «Frucht», «Kern», «Ast», «Blüte» непосредственно связаны с растительной метафорикой. Все, что в жизни человека развивается и совершенствуется, но после высшей ступени развития исчезает, может быть выражено в терминах жизни растения. В этих понятиях в немецком языке говорят о «Aufblühen» (процветании) und «Verwelken» (увядании) человека, о «Sprießen» (прорастании) новых надежд, о «Stammbaum» (генеалогическом древе) семьи. Опираясь на эти ботанические метафоры, возникают образы, которые понимают жизнь как посев и сбор урожая. Между этапами жизни растения «прорастание семени – рост растения – созревание – появление плодов» и этапами жизни человека «рождение – развитие – появление детей» часто проводятся аналогии. Эта параллель нашла выражение в многочисленных фразеологизмах многих языков, в том числе и в немецком.

В рамках метафорики древа жизни ребенок считается плодом родителей: *ein (sauberes) Früchtchen* разг. пренебр. употребляется в отношении незрелых и грубых детей; *eine Frucht der Liebe sein* - плод любви (внебрачный ребенок). Значение слова Frucht «результат ч-л» является связующим элементом между значением компонента и семантикой фразеологизма в целом: *die Früchte seines Tuns* (Handels, Leichtsinns, Ungehorsams ...) *ernten* - расплачиваться за свои поступки (свое легкомыслие, непослушание и т. п.), пожинать плоды собственного легкомыслия и т. п.; *etw. trägt (reiche) Frucht* - что-л. приносит свои плоды, что-л. дает хороший результат; *böse (bittere) Früchte tragen* - иметь дурные (тяжелые) последствия; *die Früchte seiner Hände ernten* - пожинать плоды своего труда; *wie die Saat, so die Frucht* - посл @ что посеешь, то и пожнешь. Плод – это последняя стадия вегетативного роста перед урожаем, и поэтому связывается со зрелостью: *Alte Stämme, gute Früchte* - посл. букв. старые стволы, хорошие плоды (цена опыта).

Символическое значение *die Wurzel* (корень) можно определить как «основа, суть; начало, отправная точка чего-либо». Это значение прослеживается в многочисленных фразеологизмах с компонентом *die Wurzel*: *bis in die Haarwurzeln erröten* - покраснеть до корней волос; *die Wurzel eines Leidens/...* - последняя причина; *etw. mit der Wurzel beseitigen, vernichten* - что-л. уничтожить, устранить полностью; *etw. jn in seiner Wurzel treffen* - касаться кого-л. глубоко, в высшей степени; *etw. bei der Wurzel packen / (ausreißen)* - бороться на корню с чем-л.; *die Axt an die Wurzel(an*

nen Baum) legen - подрубать (подсекать) под корень; уничтожить в корне (какое-л зло), положить секиру под корень. На базе символов могут активно проходить словообразовательные процессы, при этом дериваты реализуют символическое значение: *verwurzeln, verwurzelt sein* - (перен.) срастись, быть кровно связанным с чем-либо; *wurzeln* - (перен.) корениться (в чем-либо); *wurzellos (sein)* - (перен.) без корней, без родины; *entwurzeln* - (перен.) вырывать с корнем, искоренять; *ein entwurzelter Mensch* - человек, оторванный от родины.

Слово *der Keim* (зародыш, росток) имеет во фразеологизмах схожее значение «начало, возникновение, отправная точка»: *etw. legt den Keim für js spätere Liebe /... - форм. редк. положить начало чему-л.; den Keim zu etw. legen* - положить начало чему-л.; *etw. im Keim ersticken* - уничтожить (или задушить) что-л. в зародыше; *den Keim der Liebe / (der Hoffnung) in js. Herz senken* - патет. устар. редк. пустить росток любви (надежды) в чье-л. Сердце; *im Keim vorhanden sein / ... Tendenz/ Absicht/... - иметься в зародыше; im Keim des Untergangs in sich tragen* - образн. происхождение, первый знак; *etwas im Keim ersticken* - подавить что-л. уже при возникновении, не допустить развития.

Der Samen (семя) переосмысливается часто как «источник чего-л.»: *den Samen für eine Entwicklung/... legen* - заложить семена для развития (основу); *der Samen des Neides, der Zwietracht wurzelt in ihren Herzen* – высок. семена зависти, вражды (раздора) коренятся в их сердцах; *den Samen des Guten in die Hertzen der Kinder pflanzen* – высок. взрастить в сердцах детей семена доброго; *der Samen einer Lehre geht auf* – высок. семена учения всходят, *Guter Samen geht bald auf* - посл. букв. хорошие семена быстро всходят; *Guter Samen braucht guten Boden* - посл. букв. хорошему семени нужна хорошая почва.

Die Blüte (цветок, цвет (на дереве, кусте)) имеет образное значение «вершина, высшая точка, высшая ступень»: *etwas steht in voller Blüte* - 1) что-л. в полном цвету; 2) (тж. *etwas entfaltet sich zu hoher Blüte*) что-л. процветает, достигает полного расцвета (наивысшего развития), переживает расцвет. О немолодом человеке говорят *über die erste Blüte hinaus sein* - быть уже не первой молодости. О человеке, умершем молодым, употребляют выражение *in der Blüte des Lebens/seiner Jahre sterben* - умереть во цвете лет. Вот еще ряд подобных выражений: *in der Blüte seiner/ihrer Jahre* - высок. в молодые годы, *in der Blüte des Lebens/seiner Jahre stehen* - быть в расцвете сил; *in der Blüte der Jahre* - во цвете лет (в молодые годы); *die Blüte eines Landes* - высок. цвет нации (лучшие ее представители), *eine neue Blüte erleben* - переживать расцвет.

Der Kern (зерно, косточка, ядро) в переносном смысле означает важную часть чего-л., центр чего-л.: *bis zum Kern eines Problems/... vordringen* - проникнуть до сути проблемы, *den Kern des Problems / ... treffen/... (mit etw.)* - касаться сути проблемы; *der Kern der Sache* - суть дела, главное, сущность. Положительную характеристику человека дают выражения *einen guten Kern haben* - у кого-л. хорошее нутро, *in jm steckt ein guter Kern* - кто-л. имеет хорошие способности к развитию.

Таким образом, ФЕ с компонентом, обозначающим части растения, входят в состав концептуальной метафоры «Человек – это растение» и несут антропоцентрический характер. Они связаны с жизнью человека и характеризуют различные аспекты его жизнедеятельности. Компоненты «Keim», «Samen», «Frucht», «Kern», «Blüte» являются продуктивными метафорами для создания представлений

Библиография

1. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Der Duden in zwölf Bänden, Bd. 11, Dudenverlag, Mannheim 2002, - S. 960.
2. Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext vom Prof. Dr.Hans Schemann. Ernst Klett Verlag fuer Wissen und Bildung. Stuttgart-Dresden. 1993.- S.1037
3. Бинович Э.Ф., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. - 656 с.
4. Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. – М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 350 с.

Абламская Елена Васильевна

доцент, кандидат филологических наук
Николаевский национальный университет
имени А.А. Сухомлинского

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ «ЯЗЫКА РУНЕТА»

Судьба русского языка тревожит в настоящее время многих людей. Это объясняется тем, что в последние годы произошли большие изменения в жизни Украины, в ее общественном и государственном устройстве, эти изменения оказали и продолжают оказывать влияние на развитие современного русского языка. Наиболее заметно они проявляются в лексике: язык пополняется огромным количеством заимствованных слов и оборотов, часто неоправданно. Не признаются обязательными общепринятые языковые нормы – лексические, грамматические, орфоэпические, стилистические. Это происходит под влиянием мощного потока просторечной, сниженной, часто вульгарной лексики и уголовного жаргона, захлестнувшего не только среду общения, но и печать, и телевидение, и рекламу.

С развитием общества усложняются компьютерные технологии. Сегодня средством общения для многих людей (особенно для молодёжи) стала сеть Интернет. Это открытое коммуникативное пространство, в котором есть собственные законы, в том числе и языковые. Интернет-язык является важным средством современной коммуникации. Он соединяет в себе особенности устной и письменной речи и потому может рассматриваться как один из стилей современного русского языка в виртуальном пространстве.

Посещая различные сайты, чаты, общаясь по электронной почте, нами было замечено, что в виртуальном пространстве слова русского языка часто употребляют не по правилам. В чатах, форумах, живых дневниках, сообщениях электронной почты и ICQ тексты пишутся «на бегу» и выглядят примерно одинаково – без знаков препинания, часто без прописных букв, с многочисленными сокращениями и опечатками. Напрашивается вывод о том, что для молодежи компьютерная сеть становится особой средой социализации и самореализации личности в современном обществе.

Сегодня словосочетание «язык Рунета» находится на пороге того, чтобы стать полноценным лингвистическим термином, и неудивительно, что в последнее время появляются научные исследования, посвященные данной проблематике. Однако смысловое наполнение этого термина до сих пор остается достаточно расплывчатым.

Любой жаргон (а это все-таки жаргон) имеет внутренние правила и законы. И носители жаргона могут опознать «своего» в человеке, употребляющем жаргонные слова, только в том случае, если он будет использовать эти слова, выражения согласно правилам, принятым в «жаргонном» сообществе.

Электронная переписка – это удивительный эпистолярный жанр, сформировавшийся на рубеже XX–XXI веков. Коммуникативная ситуация «электронной переписки» возникает при использовании электронной почты и

интернет-форумов. По сути электронная переписка представляет скоростной обмен речевыми произведениями эпистолярного жанра. Онлайн-общение – письменное общение в режиме реального времени при помощи чатов и интернет-пейджеров (в режиме непрерывного диалога, полилога). Наконец, блоггинг – автобиографический «дневниковый» речевой жанр. Главными, на наш взгляд, языковыми, стилеобразующими факторами, определяющими феномен «языка Рунета», являются следующие:

Первый фактор – анонимность и «неподцензурность» интернет-общения. Анонимность можно считать даже в таком интимном речевом жанре, как блог. Зачастую анонимность участников является косвенной причиной их агрессивности относительно друг друга. Для неподготовленного человека интернет-общение может показаться чересчур агрессивным. При чтении интернет-писем возникает стойкое ощущение, что весь мир состоит из лютых недоброжелателей. Вероятно, интернет-агрессия вызвана тем, что в Сети практически невозможно посмотреть в глаза собеседнику. Анонимность интернет-общения делает собеседников более свободными в выборе речевых средств для совершения речевой коммуникации.

Второй фактор – высокий темп общения, предполагающий отсутствие должного для других форм общения языкового самоконтроля, самоцензуры и саморедактуры. По своей сути письменное общение в Интернете гораздо ближе к устному общению, чем к письменному «бумажному» общению. Налицо обилие эллиптических и разговорных конструкций, определенная небрежность стиля, пунктуационная путаница.

Третий фактор – зависимость от технических средств. Основное компьютерное средство ввода языковой информации (букв, слов) на сегодняшний день – клавиатура. Пока что преждевременно говорить о доступных системах голосового ввода (с голоса пользователя ПК) и об иных альтернативных средствах. Поэтому в качестве выразительных средств, способствующих эффективному речевому общению, зачастую используются невербальные «клавиатурные» элементы: смайлики, графические символы и т. п. Кроме этого, использование клавиатуры в «быстром» речевом общении предполагает значительное количество опечаток, некоторые из них могут стать поводом для создания новой речевой выразительности (например, *лытдыбр* вместо *дневник* – слово, набранное в русской раскладке клавиатуры английскими буквами).

Таким образом, обобщая все сказанное выше, мы можем предложить следующее понимание термина «язык Рунета»: это разновидность речи, основанная на средствах русского языка, характеризующаяся преимущественным употреблением в русском сегменте сети Интернет, особой экспрессивностью, высоким темпом и выраженной зависимостью от технических средств общения.

Пежинська О. М.

аспірант кафедри французької філології,
Львівський національний університет імені Івана Франка

ЕТИМОЛОГІЧНІ ПЕРЕДУМОВИ ВИНИКНЕННЯ ФРАНЦУЗЬКИХ ТОПОНІМІВ

Аналіз французьких лінгвістичних та лексикографічних джерел дає підстави стверджувати, що топоніми викликають глибокий інтерес у мовознавців. Вчення А. Жубенвіля (H. d'Arbois de Jubainville) ґрунтується на порівнянні стародавніх мовних даних із сучасними дослідженнями; особлива увага мовознавців зосереджена на етимології власних назв (Е.Нерг (E. Nègre), А. Доза (A. Dauzat), А. Лоньон (A Longnon), Ш.Ростен (C. Rostaing), Ж. Кост (J. Coste). Зокрема А. Лоньон особливу увагу приділив назвам за походженням – грецьким, кельтським, галло-римським, римським та ін.

У французькому ономастиконі особливо проявляється вплив тих етнічних груп, які в різні часи проживали на території Франції. Тому крім основного латинського та грецького лексичного фонду, в ньому виділяються кельтизми, германізми. З часом запозичення адаптується до фонетичної системи мови-реципієнта і входить в її парадигматичні та синтагматичні зв'язки. Кельтизми відображають, передусім, уявлення, пов'язані з сільським господарством, з природою (*carruca*>*charrue*, *cassinus*>*chêne*); германізми відносяться до сфери військових справ (*wahta*, варта – ст.-фр. *gaité*, *targa*, меч – ст.-фр. *targe*). Низка назв французьких міст має кельтське походження: *Paris*, *Metz*, *Nantes*, *Rodez*, *Redon*, *Rennes*, *Bourges*, *Poitiers* та інші [1, с.155].

Французькі лінгвісти розглядають топоніми у контексті мовних змін, які відбуваються в країні, тобто, виокремлюють назви відповідно до історичних періодів розвитку мови: докельтські топоніми, кельтські субстратні топоніми, грецькі назви, кельтсько-латинські та римські топоніми з суфіксом *-anum*, *-acum*, а також назви германського походження (*Berg*, *Berck* < *berg* *montagne*, *colline*, гора, пагорб), бретонського (*Langoat*, *Langouet* < *Lan-*, *sanctuaire*, святилище), баскського (*Larre* – *lande*, пісчані рівнини) та інші.

За походженням топоніми діляться на сформовані в історичному процесі (*Paris*) та створені свідомо. Топоніми другого типу – меморіальні – мають соціально-історичну конотацію. Зазвичай, вони є неоднорідними та можуть об'єднувати елементи різних мов, відкладених у топонімії у різні історичні періоди. Наприклад, на півночі Франції переважають топоніми германського походження. Такий іншомовний шар прийнято називати *топонімним суперстратом* [3, с. 515].

На нашу думку, різна кількість назв тієї чи іншої групи свідчить про ступінь впливу цієї групи на формування французької нації та про її важливість. З огляду на це, виділяємо такі основні етимологічні джерела: грецьке, кельтське, латинське (або галло-романське), германське, нормандське, бретонське, баскське.

Латинські та грецькі назви потрапляли у французьку ономастику в ході воєн та з поширенням християнства вже в IV ст. Повномасштабне їх проникнення відбулося пізніше, коли християнство зміцнило свої позиції в суспільстві, наприклад:

Teoria i praktyka – znaczenie badań naukowych

Nice (Nikaia = victorieuse – переможний), Marseille (Massalia), Antibes (Antipolis = la ville d'en face – місто навпроти, face à Nice). У Франції найдавнішими є кельтські топоніми. Сліди цього народу знаходимо у назвах гір: Ardenne (-élevé), річок: Isère (isar-sacré), міст: Bourges (Bituriges), Paris (Parisii). Більшість кельтських коренів служить для позначення складених назв. Найуживанішими коренями кельтського походження є: briva (= pont – міст) або bria: Brie, Chabris < Carobrias у меровінзький період (Cher + briva=pont sur le Cher), Samarobriva; dunon > латинізована форма dunum (= colline (пагорб), пізніше forteresse (укріплення): Lyon (Lugdunum), Verdun (Virodunum). Трапляються топоніми, пов'язані з назвами божеств, наприклад Lug у назві Lugdunum (тепер Lyon) тощо. У наш час населення Бретані використовує говори, споріднені з кельтською мовою. Певна кількість слів кельтського походження пов'язана з сільським життям, побутом, працею, природою (alouette, bouleau, charrue). Географічними назвами кельтського походження здебільшого є назви міст та поселень, іменовані за назвою племен, що їх населяли: Paris, Reims, Beauvais та ін. та за іменем власників цих місць: Savignac, Aurillac. Часто трапляються топоніми з суфіксами -dun, -tun, -un, -on, які відносяться до кельтського апелятива dunum, що означає «місто, фортеця», наприклад, Autun (Augustodunum), Verdun (Virodunum). Як свідчить фактичний матеріал, кельтські елементи, частіше використані у назвах міст, майже повністю втратили свої стародавні форми. У багатьох топонімах зберігаються галльські суфікси, що означають приналежність. Наприклад, на зміну латинізованому суфіксу -aci (s) прийшли діалектні форми -ac, -ay, -ey, -é, -y: Pauillac, Pouilly, Savignac, Sévigné, Savigny та інші. За формою суфікса можна визначити географію топоніма: наприклад, на півночі поширений суфікс -y (Orly), на півдні -ac (Aurillac). Латинські назви потрапили у французьку мовну систему через імена римських завойовників, а також перших християн і особливо святих. Зв'язок французької мови з латинською був найтривалішим. Вже у VII ст. за зразком класичних латинських форм були трансформовані перші слова, які згодом почали називати «книжними» [1, с.39].

Германські назви свідчать про зародження нового сільського суспільства (Ham – village). IV–VIII ст. відзначаються значним впливом німецьких завойовників (особливо франків) на територію майбутньої Франції. Нові регіони, утворені наприкінці середньовіччя та у каролінгський період на основі германських антропонімів, трапляються найчастіше з римським апелятивом. Конструкція déterminant-déterminé (позначення – позначуване) є свідченням германського впливу, наприклад, Neufchâtel, південніше Châteauneuf, Castelnaud; Neuville, Villeneuve (на півдні), Vilanova. Топоніми германського походження містять суфікс -ing-en (Alsting, Bassing, Bertring), хоча трапляються й інші суфікси: -ange – у Лотарингії (Bellange) – у Франш-Конте (Amange) та у Бургундії (Averlanges,) або -ingues, -in(es) – на півночі Франції (Affringues). Ці назви утворені за схемою: германський антропонім + герм. суфікс. Більшість германських апелятивів, що служать для творення топонімів, пов'язана з рельєфом, рослинністю та з поселенням, наприклад, burg (=ville - місто): Borgo, Burg, у складених назвах Strasbourg (герм. straza, route + burg), демінутиви: Le Bourget, Le Bourguet.

Різноманітні нормандські апелятиви (-beuf, -fleu(r), -dalle, -bec та інші), що розкривають особливості природи або доволі примітивне помешкання, входять до складу назв міст, сіл, хуторів та мікротопонімів: Caudebec (bec-ruisseau, струмок),

Quillebeuf (*budh* – *cabane*, хижина).

Бретонські терміни служать для позначення агломерацій, наприклад, *trev*-, *trev*- (*paroisse* – парафіяльна церква) супроводжується детермінативом з іменем святого: *Tréfiagat* (*Riagat*), *Tréméven* (*Meen*); із загальною назвою – *Trégastel* (лат. *castelum* > *château*, замок). *Lan*- (= *sanctuaire*, святилище) бере участь у творенні багатьох топонімів Бретані у сполученні з апелятивом із топографічним значенням: *Langoat* (*coat*, *bois*); з означенням: *Lanmeur* (*meur*, *grand*); з іменем святого: *Landudal* (бретонський святий *Tudal*) та інші. В деяких випадках важко визначити походження коренів – бретонське чи галльське, оскільки їх основа може бути кельтською чи романською, а згодом – і германською. Виникають певні труднощі також з розмежуванням романських і деяких германських елементів. Останні відзначаються добре асимільованою латиною ще з ранніх періодів перебування германців у Франції.

Баскські топоніми складаються із двох елементів: апелятивної основи, що називає рослинність або є топографічним терміном, та означення, наприклад: *Ameztoi* < *Ametz* – *chêne tauzin* (чорний дуб) + *-doi* – *lieu* (місце). Хоча трапляються й прості назви: *Larre* – *lande* (пісчани рівнини), *Mendi* – *montagne* (гора).

Отже, топоніми характеризують територію з точки зору тих народів, які колись населяли ту чи іншу місцевість. Будучи свідками суспільного життя епохи, географічні назви містять цінну інформацію мовного та історичного планів. Етимологічні засади вивчення топонімів дозволяють виокремити основні етимологічні джерела: кельтські субстратні топоніми (найчастіше назви міст та поселень, які називають за назвою племен (*Paris*, *Reims*) та за іменем власників цих місць (*Savignac*), кельтсько-латинські та римські топоніми з суфіксом *-anum*, *-acum*. Топоніми латинського походження мотивовані іменами римських завойовників, перших християн та святих. Свідченням германського впливу (IV-VIII ст.) є конструкція *déterminant – déterminé* (позначення-позначуване). Конструктивна схема: *германський антропонім + суфікс* є притаманною топонімам германського походження (*Affringues*, *Gravelines*). Поширеною є твірна германська апелятивна лексика на позначення рельєфу, рослинності та поселень (*Berg*, *Berck* < *berg montagne*, *colline*, гора, пагорб).

Література

1. Веденина Л.Г. Особенности французского языка: Пособие для учителя / Л.Г. Веденина – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
2. Катагощина Н.А. История французского языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Изд. 2-е, испр. / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф. – М.: «Высш.школа», 1976. – 319 с.
3. Нерознак В.П. Топонимика. Лингвистический энциклопедический словарь. / В.П. Нерознак. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с.515–516.
4. Coste J. Dictionnaire des noms propres: Toponymes et patronymes de France. / Jean Coste – Paris.: Armand Colin, 2006. – 700 p.
5. Dauzat A. Les noms de lieux: origine et évolution. / Dauzat Albert – Paris.: librairie delagrave, 1926. – 264 p.
6. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France. / Albert Dauzat, Charles Rostaing — Paris.: librairie Guénégaud, 1963. — 738 p.
7. Jubainville H. d'Arbois de. Recherches sur l'origine de la propriété foncière et des noms de lieux habités en France (période celtique et période romaine). // H. d'Arbois de

Teoria i praktyka - znaczenie badań naukowych

Jubainville. – Paris. 1890. – 703 p.

8. Longnon A. Les noms de lieu de la France: leur origine, leur signification [Электронный ресурс] / Longnon A. - 1973 - Language Arts & Disciplines - 831 p. – Режим доступа: books.google.fr/books?isbn=0833721429

Мазнева Ю.А.

Кандидат филологических наук
ФГКОУ ВПО РЮИ МВД РФ

ОБ АББРЕВИАЦИИ КАК СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-СОКРАЩЕНИЙ

Языковая эволюция определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и самовыражения и его стремлением свести к минимуму собственную умственную и физическую деятельность, что включает целый ряд разнообразных тенденций и механизмов: «и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения» [6,с.20]]. Целью настоящей статьи является попытка выявления корреляции явления экономии языковых средств в процессе общения и явления аббревиации как средства создания новых языковых единиц, а также определение потенциала механизма аббревиации в процессе создания англоязычных юридических терминов.

Характерной чертой почти всех зарубежных и многих отечественных исследований, посвященных тенденции к экономии в различных языках, является рассмотрение последней как одного из основных законов развития языка (О. Есперсен, А. Мартине, В. Кунрадс и др.), который может быть даже обусловлен различными «стремлениями» человека к совершенствованию языковых форм в сторону их употребления (В. Хаверс, К. Бругманн), требующего минимальной затраты умственной и физической энергии при обмене информацией. Язык науки является мощным средством ее интегрирования, а основу языка науки составляет именно терминология. В современных исследованиях, посвященных проблематике научной лексики и научного дискурса, отмечается, что научный текст можно определить как «особый вид текста, специально создаваемый для хранения, передачи и развития знания. Не вызывает сомнения тот факт, что основную роль в этом процессе играет терминологическая лексика» [8, с. 69]. Таким образом, специальная (терминологическая) лексика, функционирующая в научном дискурсе, призвана, прежде всего, служить средством аккумуляции и передачи специализированного научного знания.

Принцип экономии как лингвистическое явление предполагает такое использование средств в актах коммуникации, которое приводит или обладает способностью привести к экономии времени и сокращает процесс взаимопонимания, при этом не препятствуя ему.

Для целей дальнейшего анализа необходимо несколько подробнее остановиться на понятии «термин» и вкратце определить специфику терминологической лексики. Прогресс науки неизбежно сопровождается появлением специальных слов для обозначения изучаемых объектов, что происходит в разное время, в различных языковых сообществах и соответственно облекается в материальную форму разных языков. Однако само по себе это явление универсально [7,с.35].

Терминология как совокупность терминов составляет часть специальной

лексики. Закономерности формирования и развития последней в определённой мере характерны и для терминов. Но специальная лексика функционирует в определённых языковых подсистемах, без анализа которых трудно понять её специфику.

Ряд философов и лингвистов понимают термин как сокращение дефиниции, ставя формальный знак равенства между ними. Для лингвиста здесь нет равенства, поскольку термин – это имя понятия, а дефиниция – развернутое толкование этого имени.

Представитель профессионального знания считает терминами все слова, связанные с его профессией, не всегда задумываясь об их системности и наличии достаточных оснований для терминоведения тех или иных понятий.

В настоящее время в терминоведении можно наблюдать оформление и рост популярности когнитивно-дискурсивного подхода к анализу термина, который, как постулируется, расширяет возможности «понимания его функции и места в лингвистической и мыслительной деятельности человека» [2, с. 41]. В данной парадигме исследовательские акценты смещаются с толкования термина как языкового знака, функционирующего в различных тематических областях, на выявление – через посредство изучения семантических характеристик различных терминосистем — «постоянных корреляций и связей», имеющих место между структурами языка и структурами знания [4, с. 43]. Таким образом, термины мыслятся как передающие информацию о некотором фрагменте языковой (научной) картины мира. Вполне справедливо положение, развиваемое в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, о том, что термин отражает эволюцию опыта научного познания и оценки специалистом определенного фрагмента действительности, что и определяет специфику фактуальной информации, хранимой и передаваемой при помощи термина [4, с. 43].

Таким образом, вполне приемлемым представляется определение термина, связанное с появлением и развитием когнитивного терминоведения, в котором утверждается, что термин представляет собой динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербальному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности. В связи с историческим характером процесса познания и закрепления знания термин получает новое определение как вербализованный знак, могущий иметь ряд вариантов, зависящих от выбранной теории, методики категоризации и концептуализации и степени глубины познания. [1, с. 55, 5, с. 49]

Анализ конкретного языкового материала показывает, что принцип экономии языковых средств при осуществлении коммуникативного процесса, безусловно, играет далеко не последнюю роль как при образовании, так и при функционировании терминологических единиц в дискурсе. Одним из проявлений действия указанного принципа можно считать образование терминов при помощи механизма аббревиации. Образование аббревиатур (аббревиация) как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями и сложениями) синонимичных им номинаций, получило широкое распространение в основных европейских языках в начале 20 века. Многие лингвисты рассматривают аббревиацию в широком смысле

слова, подразумевая под ней любой процесс в языке, в результате которого некоторая исходная единица утрачивает часть составляющих её элементов и превращается в сокращенную единицу [3, с. 88].

Особое распространение в сфере современной англоязычной юридической терминологии получили так называемые инициальные (или буквенные) аббревиатуры, под которыми понимаются лексические единицы, которые образованы от словосочетаний путем оставления инициальных букв от каждого слова сокращаемого словосочетания. Само определение «буквенная аббревиатура» представляется не совсем четким. Часто в самых разнообразных работах рядом с термином «буквенные аббревиатуры» встречается пояснение - «буквенные, или, иначе, инициальные аббревиатуры», которое дается или в скобках, или через запятые. Такое употребление двух терминов для одного и того же понятия не случайно. Называя образования типа L.T.R. - Law Times Reports, L.R.P.D. - Law Reports, Probate Division, P.C. - 1. Parliamentary Cases; 2. Penal Code и т.п. буквенными аббревиатурами, авторы стремились отразить данным определением способ их образования, а именно: от каждого сокращаемого слова остается по одной букве. Иными словами, буквенные сокращения - это аббревиатуры, состоящие не из частей слов, а из начальных букв слов, входящих в состав сокращаемого словосочетания. Однако, на наш взгляд, такое определение является не совсем четким, так как каждое слово и каждая сокращаемая лексическая единица состоит из букв. Правильнее, по нашему мнению, называть их именно инициальными аббревиатурами, так как они состоят из инициальных букв сокращаемых слов словосочетания.

Как отмечает А.В. Суперанская, «аббревиация, как правило, занимает самый нижний ярус в иерархии описания способов терминообразования», хотя распространенность данного явления в специальных языках весьма велика [7, с. 219]. На первый взгляд, приводимый факт можно рассматривать как противоречие, однако на самом деле, если принять во внимание диалектику целей процесса экономии языковых средств, то никакого противоречия тут наблюдаться не будет. Как уже отмечалось, одна из важнейших функций термина заключается в хранении и адекватной передаче научного знания. Выполнение такой задачи представляется невыполнимым без соблюдения принципа номинативной точности и недвусмысленности. Именно поэтому термины-аббревиатуры, мотивация которых практически всегда затемнена, вследствие чего семантика непрозрачна, очень мало распространены в сравнительно молодых терминосистемах, элементы которых еще плохо знакомы представителям научного языкового сообщества. Вместе с тем, по мере вхождения того или иного термина в постоянный научный обиход начинает действовать принцип экономии языковых средств, поскольку развернутые и громоздкие словосочетания уже избыточны, и их прагматическая функция (максимально точное и корректное донесение научной информации до реципиента сообщения) может быть выполнена аббревиатурами.

Таким образом, можно резюмировать, что тенденции к экономии языковых средств в дискурсе противостоят встречная тенденция в том случае, если в обиход того или иного языкового сообщества вводится новое понятие, доселе не входившее в номинативное пространство данного языка. Известно, что подобные понятия вначале часто выражаются громоздкими сочетаниями, неудобными для многократного

постоянного использования, но обладающими важнейшим качеством номинативной точности, так как они одновременно указывают на несколько признаков понятия. Данное свойство особенно важно с точки зрения специфики терминологической номинации [7, с. 81-85]. Стремление к точности в описании важных свойств референта имеет большое значение для обеспечения коммуникативной функции языка - и это еще одна причина, по которой номинативная точность принципиально важна для терминологической лексики. Тем не менее, функционирование языковых единиц в дискурсе, их семантическая и структурная эволюция свидетельствуют о том, что развернутые словосочетания, как правило, неудобны для регулярного использования, вследствие чего они относительно быстро упрощаются, становятся более краткими могут, в конце концов, быть заменены аббревиатурами. Такая тенденция может быть прослежена и в области юридической терминологии. Примером тому могут служить названия часто используемых в юридической практике документов, имеющие, безусловно, терминологический статус.

Название фундаментального труда «Male's History of the Common Law» в течение нескольких лет после его публикации сохранялось именно в указанном виде, после чего оно постепенно трансформировалось в весьма популярную ныне среди юристов англоязычных стран аббревиатуру Н.Н.С.Л.

Сходную тенденцию можно наблюдать и среди названий важнейших и широко использующихся в юридическом сообществе отчетов и других документов: «Manning, Granger & Scott's Reports» (M.G.&S.); «M'Clelland & Young's Exchequer Reports» (M'CL&Yo.); «Crawford and Dix's Abridged Cases» (C.&D.Ab.C.); «Cases in Chancery in Three Parts» (C.C. или Ch.Cas.) и т.д. [см. <http://www.legal-abbreviations.org/>].

В заключение отметим, что сокращения в сфере терминологической лексики являются продуктом одного из самых эффективных способов словообразования – аббревиации, обусловленного принципом экономии языковых средств.

Литература

1. *Бекишева Е.В.* Репрезентация категории времени в медицинской терминологии [Текст] / Е.В. Бекишева // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 2-3. - С. 52-59.
2. *Зяблова О.А.* К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения [Текст] / О.А. Зяблова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - №2-3. - С. 41-46.
3. *Ильченко Л.М.* Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии [Текст] / Л.М. Ильченко: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. -Пятигорск, 1994.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. *Куркина Т.В.* О роли ментальных репрезентаций в формировании языковых единиц (на примере концепта «фармация») [Текст] / Т.В.Куркина // Вопросы

когнитивной лингвистики. - 2004. - № 2-3. - С. 47-51.

6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях [Текст] / А. Мартине. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
7. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. - Изд. 2-е, стереотип. - М.: Эдиториал УРСС, 2003.
8. Тимофеева Т.Н. Специфика прецедентных феноменов в англоязычных научных текстах экономической тематики [Текст] / Т.Н. Тимофеева // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 2. - С. 69-73.
9. *Legal Abbreviations* [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.legal-abbreviations.org/>

Yorqinjon Odilov

Senior scientific employee of Language and Literature institute named after Alisher Navoi under the Academy of science of the Republic of Uzbekistan

SPEECH ASPECTS OF ENANTIOCEMY

Besides, words express a certain notion about a thing, an event or an action in the objective reality and give additional positive and negative colouring. However, “Estimation is an important aspect of the activity of the intellectual reflection” [14]. These subjective estimations are in the semantic structure of a word, they become apparent in the process of an appropriate situation and certain speech devices. Therefore, the linguists such as V.V. Vinogradov, D.N. Shmelev, N.N. Amosova, A. Hojiev express their opinions on this very aspect and specificity of a word and claim that this or that subjective evaluative is a separate component of the lexical meaning of a word. Thus, according to the above – mentioned factors the subjective evaluative causes polarizing of the meanings and it relies on the word with positive meaning expressing negative meaning, and the word with negative meaning expressing positive meaning. This polarized meaning of the word manifests one type of enantiosemy is called enantiosemy with emotional colouring [1, p. 526; 7, p. 122-137; 2, p. 14]. Some linguists consider this aspect of the phenomenon speech enantiosemy [9, p. 190]. But the term “speech enantiosemy” cannot fully and clearly express the aspect of the phenomenon linked with modal attitude of the speaker’s subject. Because with the term “speech enantiosemy” enantiosemic words can be understood which occur with the requirement of a certain context and lexical-syntactical connection of the words. For example, the linguist L. Novikov considers the Russian words such as *одолжить* (to lend) which has enantiosemic features with lexical-syntactical relation of the words, requirement of the context, or special expressive, ironic and other intonation speech enantiosemy. It can be seen from this, the contradiction in the meaning which occurs by the modal attitude of the speaker’s subject and the contradiction in the meaning which is formed by a certain requirement of the context and lexical-syntactical relation of the words have been viewed in the same plan.

In our opinion, these aspects of enantiosemy – the enantiosemy which occurs by emotional-expressive devices of the language and the enantiosemy which occurs in a certain context by means of lexical-syntactical relation of the words and the requirement of

a situation of the speech should be studied separately. Because the enantiosemby by lexical-syntactical relation of the words completely differs from the enantiosemby by emotional-expressive devices of the language, its meaning is determined in the sphere of syntax which is the high level of the language system. We can come to a conclusion that the enantiosemby occurring on the basis of these factors shows a certain type of contradiction and it is reasonable to call it grammatical enantiosemby.

In illustrating the aspect of enantiosemby occurring in the result of subjective evaluative of the speaker we preferred to call it subjective evaluative enantiosemby. However, “the speaker strives not only to name the things or events in the objective reality in the process of speech, but also expresses his subjective attitude to the subject of the conversation” [8; 88]. Such expression of subjective evaluative depends on that as the person’s intelligence progresses; he tries to express his ideas and emotions “hiding” under a curtain or delicately. In this case the speaker doesn’t express his attitude (often, displeased attitude) to an event or action directly, he tries to shift the meaning of the word or express by sarcasm and aims to make his speech more effective. The linguist I. Sadchikova’s opinion also confirms it: “the necessary mark of sarcasm is to hide the direct meaning of the idea being expressed” [10]. Naturally, in order to realize the direct original meaning, particularly, the opposite meaning there are certain indicators in the context. The listener can realize the original meaning by the help of these semantic and intonation indicators (which are left by the speaker), besides, the meaning is realized by the general meaning of the text. For example, in the sentence – *Раҳмат, роса мазза қилдик* (Thank you, we enjoyed very much) “enjoyed” is pronounced with sarcasm, the direct meaning which is opposite meaning “to enjoy” can be realized by the intonation indicator.

The linguist V. N. Soller emphasizes too that in appearing of this kind of enantiosemby the sarcasm expressing a bitter irony is important [12, p. 76]. Thus, the prosodic change in a certain word makes subjective enantiosemby [7, p. 126]. This aspect appears in the following example by the words to become upset, poor thing, to punish: *Қудрат бобида ўзини иккинчи ўринга қўяди, дейилганда биринчи ўринда Яратган қодир Худо туради-да, деб англашингиз табиий. Агар Кесақполвонни назарда тутиб, шундай десангиз адашасиз. Чунки у “камтарин” банда қудрат бобида ўзидан олдин фақат Асадбекни қўради* (When he puts himself to the second place by power, it is natural to guess that the God is in the first place. If you say this while mentioning Kesaqpalvan, you are wrong. Because he, “the modest” man, puts only Asadbek to the first place rather than himself. (Т.Малик, “Шайтанат”).

Using a word with an opposite meaning is clarified by how well the author masters language, his skills of using linguistic devices.

In appearing the subjective evaluative enantiosemby definite speech situation has a particular importance, the subjective expression in a polarized meaning comes out of speaker’s definite aim, that is, the speaker uses the word with an opposite meaning on purpose.

In the example above the word “punishing” takes such a subjective expression and its intonation differs from the intonation of other words in the context.

In appearing of subjective evaluative enantiosemby the word with positive meaning appearing in a negative meaning is the most productive style. The linguists S.S. Smolenskaya, M.V. Davidov, L.I. Klimova, N. K. Salikhova who researched such polarized relation in

Teoria i praktyka - znaczenie badań naukowych

the words acknowledge that the ameliorative meaning expressing pejorative meaning is a phenomenon that can be often met [11, p. 71; 3, p. 84; 8, p. 66-74]. This aspect can be seen by comparison of the following example: *Жанубдан эсган шамоллар эса Бобур Кобул дарёси бўйида ва Жамна қирғоқларида барпо этган боғларнинг муаттар ҳидини келтириб тургандай бўларди.* (The wind blowing from the south seemed to be bringing fragrant odor of the gardens that Babur had established on the coasts of the Janna and Kabul rivers. (П.Қодиров, Авлодлар довони); (*Умрижонингизга худо барака берсин*” деб у юзимдан, бу юзимдан ўнди. *Ўнаётганда оғзимдан келган “муаттар” ҳиддан хиёл чимирилади-ю, сездиради.* (She kissed me on my face saying: “May God give you a long life. While kissing, her face contorted because of unpleasant odor coming out of my mouth, but she tried not to be noticed (Ў.Ҳошимов, “Сўққабаш бевагина).

In having a pejorative meaning of ameliorative meaning of the word, especially, the words denoting sign [7, p. 128], also, the words denoting action noticeably have more opportunity than other words. For example, in the following example below the word муҳаббат (love) with positive meaning means “сєвги” (simpatia), its contrary meaning “нафрат” (odio) occurs on the basis of sarcasm: *Кесақполвонга сал нарида безрайиб қараб кавиш қайтараётган сигир ёқмади. Энгашиб мушитдай тош олди-да, сигирнинг онасига ҳам «муҳаббатини изҳор этиб» отди.* (Kesakpalvan didn't like the cow that was ruminating over there staring at him. He took atone and threw it at the cow by swearing about its mother, too. (Т.Малик, “Шайтанат”). Although there is a modal attitude of the speaker and sarcasm intonation in the word “crime” in the context, it cannot be considered as a subjective evaluative enantiosemy. However, the word “crime” does not give the opposite meaning, but it gives the negative meaning. Thus, any word can express the opposite meaning to its nominative meaning and have subjective evaluative of the speaker in a certain context and by means of certain linguistic devices. However, any word containing subjective evaluative of the speaker and sarcasm can not be a subjective evaluative enantiosemy. Such units should be distinguished from the Subjective evaluative enantiosemy. There must be the signs noted above and especially a contradiction in the meaning for appearing of enantiosemy.

The word with negative meaning expressing a positive meaning is more rarely found in the speech than the word with positive meaning expressing a negative meaning. But expressing a positive meaning of the words with negative meaning is existent phenomenon. For example, the word “касофат” (rascal) which has the negative meaning expresses a positive meaning in a certain case of speech. In this case the rising intonation of the word *касофат* (rascal) in the negative meaning falls when it expresses the positive meaning. Compare: *Подшомиз куфр йўлига кирди, бунинг касофати ёмон бўлгай!» деган кароматларни қилишар эди.* (It was foretold that our king had been involved in blasphemy, which would end with bad results (П.Қодиров, Авлодлар довони); *Қутиб олувчилар орасидан қўл силкиб келаётган ажабтовур жувонни у дарров таниди. Аввалгидан ҳам яхши-я касофат!* (He soon recognised the young married woman coming shaking among the people. She was much better than before, bastard! (Э.Аъзам, “Шовқин”).

In this case we can see the negative meaning expressing the positive meaning. In negativity of the positive meaning of the word irony plays an important role, in positivity of the negative meaning of the word the participation of irony is not quite noticed.

So, Subjective evaluative enantiosemia appears by the requirement of a certain case of speech, it expresses the modal attitude of the speaker to the subject of the communication and is particular to the current situation and irony plays an important role in it. Thus, subjective evaluative enantiosemia can appear with any word in a certain situation.

REFERENCE:

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов (издание второе). М., 1969.
2. Гриценко Е.С. Эмоционально-оценочная энантиосемия в разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Межвузовский сборник научных трудов. Горький, 1989.
3. Климова Л.И. Полярная эмоциональная оценка в пределах одного слова // XXVIII Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. Л., 1975.
4. Кравцова В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: (язык и речь): Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006.
5. Лошманова Л.Т. Экспрессивность слов-оценок в речи современной молодёжи // XXVIII Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. Л., 1975.
6. Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения “Один речевой день” www.dialog-1.ru
7. Минаева Л.В. Слово в языке и речи. М., 1986.
8. Минаева Л.И., Смоленская С.С. Энантиосемия как лексико-фонетическое явление // Смежные проблемы филологии, психолингвистики и методики преподавания иностранных языков. (Межвузовский сборник трудов). Иваново, 1989.
9. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973.
10. Садчикова И.В. Энантиосемия как способ сосуществования противоположных оценочных компонентов в семантике слова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2009.
11. Смоленская С.С., Давыдов М.В. Интонация как показатель энантиосемии слов и словосочетаний // Вестник Московского университета. Филологические науки. 1972.
12. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1998. № 4.
13. Черникова Н.В. Энантиосемия в современном русском языке // Русский язык в школе. 2008. № 9.
14. Чернова М.А. Оценочный потенциал коллоквиальных прилагательных в современном английском языке // www.jurnal.

Александрова В.В.
магистрантка 1-го года обучения
филологического факультета
Башкирского государственного университета

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ СОВЕТСКОГО (70-80-е гг.),
ПЕРЕСТРОЕЧНОГО (к. 80-х - н. 90-х гг.) И СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДОВ)**

Российские средства массовой информации на сегодняшний день претерпели значительные изменения. Прежде всего, они связаны с главенствующими функциями массмедиа. Трансформация информативной функции в воздействующую связана с историко-политическими событиями, произошедшими в России за последние 30 лет: смена политической системы, перестроечные процессы, политика гласности, распад Советского Союза, несомненно, повлияли на эти изменения.

Примерами такой трансформации становятся заголовки российских газет, которые в целом направлены на привлечение внимание читательской аудитории. И для этих целей в СМИ активно используются различные языковые приемы воздействия. Одним из таких приемов является прецедентность.

Прецедентность – важная составляющая современного газетного заголовка. Заголовки, которые использует прецедентность, имеют свое название – заголовок-хит.

Заголовок-хит – заголовки с использованием обыгрывания знакомых фраз и выражений, пословиц, поговорок, афоризмов, слов из песен и стихотворений, названий произведений художественной литературы и фильмов [7].

В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева дают следующее определение прецедентному тексту: «Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого неравна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества» [6].

Этот термин был впервые введён в научную практику Ю.Н. Карауловым. Прецедентными называются тексты – «хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 215].

Обращение к оригинальному тексту часто «дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [4, с. 217].

Для анализа явления прецедентности в заголовках нами были отобраны ежедневные и еженедельные общественно-политические газеты («Правда», «Труд», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Итоги», «Новые известия» и др.) трех исторических периодов: советские, «перестроечные» и современные.

Средства массовой информации **советского** периода (70-80-е гг.) делали упор на информативную функцию, которой сопутствовала функция воздействия. Отсюда многие заголовки похожи на план действий: как надо жить, чему следовать.

Довольно распространенное явление для советского газетного заголовка – это оформление его в качестве авторской цитаты:

«Гляди веселей, революция» («Литературная газета», 13 мая 1970);

«...Дороги эти позабыть нельзя» («Литературная газета», 7 мая 1975);

«Меня нельзя убить...» («Литературная газета», 7 мая 1975);

«Голубой принесешь василек» («Литературная газета», 4 мая 1977);

«Никто не забыт, ничто не забыто» («Учительская газета», 9 мая 1979).

Для прецедентности этого периода характерно, что это в основном дословные цитаты из произведений художественной литературы, песен и т.д. Нетрансформированные цитаты «цепляли» читателя за душу, носили эмоциональный отклик адресата и были соответственно популярными.

Язык **перестроечной** журналистики, как отмечала Н.И. Клушина, формировался как ответная реакция на советский язык, как его отрицание. Отсюда

ироническое переосмысление советских идеологических клише, установка на языковую игру, т.е. на повышение экспрессивности любой ценой и на разрушение стилевой системы языка советской журналистики. Именно в перестройке нужно искать истоки таких определяющих черт новейшего, постперестроечного языка СМИ, как ирония, интертекстуальность, разговорность и языковая игра [5, с. 62].

В перестроечный период большинство заголовков представляют собой трансформацию известных текстов, высказываний, имен, которая служит не только для привлечения внимания, но и для отсылки к ассоциациям, связанным с первоисточником, для емкой передачи информации и главное - для выражения отношения пишущего:

Хозяева медной «горы» («Комсомольская правда», 8 января 1987);

Путешествие из Петербурга...простите, из Москвы в Варшаву («Правда», 12 ноября 1991);

Прощай, оружие! Прощай, Саддам? («Правда», 10 марта 1991);

Пролетая над гнездом Президента («Комсомольская правда», 11 февраля 1993);

Там чудеса, там «Киев» в моде («Комсомольская правда», 5 февраля 1993);

Вагон и ныне там... («Комсомольская правда», 1 января 1987);

На безрыбье («Правда», 14 ноября);

А судьбы кто? («Правда», 13 ноября 1991);

Не все призрак, что бродит («Комсомольская правда», 4 февраля 1993);

Для **современных** заголовков характерно многообразие прецедентных явлений. Большое количество намеков, отсылок, реминисценций на известные тексты встречаются практически на каждой странице центральных газет: *Укол не зонтиком* («Новые известия», 28 апреля 2010); *Как дорожала сталь* («Ведомости», 12 марта 2010).

Интересно в этот период использование ключевых прецедентных феноменов (текстов, высказываний, имен). Так, выражение *Казнить нельзя помиловать* многократно обыгрывалось в самых разных вариациях и не только одной газетой. Ср.: *Уволить нельзя оставить* («Новые известия», 8 февраля 2010); *Сажать нельзя помиловать* («Московская правда», 22 апреля 2013), *Куриль нельзя помиловать* («Московский комсомолец», 12 января 2013), *Срубить нельзя оставить* («Московский комсомолец», 16 августа 2012), *Упасть нельзя подняться* («Коммерсантъ», 16 июля 2012), *Списать нельзя не дать* («Московский комсомолец», 29 мая 2012) и др. А название всем известного романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» имеет больше 10 вариантов за 2012-2013гг., по нашим подсчетам: *Растление и*

наказание («Российская газета», 20 марта 2010), *Наказание без преступления* («Московский комсомолец», 22 апреля 2013), *Умолчание и наказание* («Новые известия», 12 марта 2013), *Преступление и покаяние* («Новые известия», 14 февраля 2013), *Избиение и наказание* («Новые известия», 12 сентября 2012), *Отступление и наказание* («Московская новости», 11 сентября 2012), *Выступление и наказание* («Новые известия», 9 августа 2012) и др.

На современном этапе прецедентные заголовки могут подвергнуться дальнейшим изменениям (например, графическим): «НЕ УКРАДИ!» («Новое дело», 15-21.01.2009).

Подобные изменения создают языковую игру («любую словесную игру, создающую одновременное параллельное двойственное восприятие ассоциативно связанных значений в сознании отправителя и получателя, а также как несоответствие плана содержания и плана выражения» [1, с. 4]).

Итак, языковое явление прецедентности используется в средствах массовой коммуникации для привлечения внимания уже не одно десятилетие. В советский, перестроечный и современный периоды можно выделить свои особенности существования этого явления.

В советский период в заголовках слабо выражена воздействующая функция. Заглавия газет служили, скорее, неким общественно-политическим помощником в жизни советских граждан (порой выполняли функции лозунга, призыва). И прецедентность на этом этапе была представлена в виде цитации, вызывающей эмоциональный отклик читателя. В период перестройки первоначальный текст, трансформируясь, «обрастает» новыми смыслами. Отсылки к известным текстам художественных произведений, реминисценции все чаще и чаще становятся заголовками. На современном этапе наблюдается еще большее разнообразие прецедентных явлений, для этого периода характерно использование ключевых прецедентных феноменов. Передача самой разной информации, включая эмоционально-оценочную, происходит благодаря прецедентным трансформациям. Прецедентный заголовок может быть создан и при помощи графической игры, которая усиливает его воздействие. Таким образом, в каждом временном периоде мы наблюдаем прецедентность в заголовках, которая подстраивается под историческую ситуацию, видоизменяется, а значит, можно говорить об эволюции этого языкового явления.

Список используемых источников и литературы

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999.

Teoria i praktyka – znaczenie badań naukowych

3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные доклады и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Клушина Н. И. Новые штампы новой журналистики \ \ Русская речь. – №1. – 2010. – С. 62.
6. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: 1997. Вып. 1. [Электронный ресурс: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_08zacharenko_et.pdf].
7. Электронный ресурс: http://www.u4ilka.megaobzor.com/Raznoe/F_zagalovok.html

ПРОЦЕСИ ЗАСВОЄННЯ ЗАПОЗИЧЕНЬ В УКРАЇНСЬКІЙ ХОРЕОГРАФІЧНІЙ ЛЕКСИЦІ

У мовознавстві запозиченням називають звук, морфему, слово або його окреме значення, фразеологізм, синтаксичну конструкцію, перенесені з однієї мови в іншу, а також власне процес подібного перенесення [14, с. 194]. У багатьох випадках запозичення «виникає через брак лексичного запасу національних термінів» [3, с. 9]. Факт запозичень в українській хореографічній лексиці свідчить про те, що термін запозичують як уявлення про предмет разом з асоціативними зв'язками, які є основою формування складників терміна. Запозичення формують спільний лексичний фонд у різних, не обов'язково споріднених мовах, що сприяє взаєморозумінню фахівців, які розмовляють різними мовами [6, с. 109]. Українська мова не є винятком і містить велику кількість запозичень у словниковому складі. Запозичення відбувалося в різні історичні епохи під впливом історичних, культурних, географічних, економічних, соціальних причин. Частіше за все запозичення потрапляють у мову як засіб називання нових речей і вираження раніше невідомих понять.

Разом із новими танцями, формами, рухами проникали в мову і назви цих понять. Більшість іншомовних термінів запозичена на позначення тих понять, які не мали відповідників (через відсутність поняття, мале його поширення чи з інших причин). У цьому випадку термін може виявитися «єдиним» для конкретного поняття [10, с. 21]. Деякі з них так і залишилися в мові незмінними, для інших – з'явилися відповідники (*па-де-баск* – тинок, *антре* – вихід, *тур* – поворот, *реверанс* – поклон, *ку-де-талон* – голубець тощо). Причиною того, що терміни танцювальної культури залишалися незмінними було й те, що власне українські відповідники занадто описові, що ускладнювало їх використання. Так, наприклад, термін *pas de bourree* («па де буре») означає «дрібні танцювальні кроки, що виконуються зі зміною, або без зміни ніг, у всіх напрямках і з поворотом» [1, с. 351]; *entrechat* («антраша») – вертикальний стрибок із двох ніг, під час якого ноги розводяться декілька раз і швидко схрещуються [1, с. 369]; *battement* («батман») – група рухів працюючої ноги [1, с. 349]; *releve* («релеве») – 1) підйом на півпальці; 2) піднімання витягнутої ноги на 90 градусів і вище, в різних напрямках і положеннях класичного танцю [1, с. 398]; *revoltade* («револьтад») – стрибок із перенесенням ноги через ногу і поворотом у повітрі [1, с. 398] тощо. Саме в таких випадках доцільніше послуговуватися запозиченими термінами.

Іншомовні слова, запозичені українською мовою, підпорядковуються її фонетичній і граматичній системі, підпорядковуються її внутрішнім законам. Граматичне засвоєння хореографічної лексики полягає у входженні її до парадигми системи відмінювання української мови, яке відбувається за власнемовними законами. Належність до роду залежить від закінчень. Так, іменники, які закінчуються

приголомлюючим, належать до чоловічого роду (*батман, балон, вальс, гавот, екзерсис, мінйон, падекатр, реверанс, танець, твіст, фокстрот, чардаш* тощо), іменники із закінченнями на -а, -я – до жіночого (*гальярда, дискотека, кода, полька, пластика, румба, самба, хореографія* та ін.). Основна частина термінів відмінюються як відповідні українські іменники. Ті ж терміни, які не отримали відповідного українського морфологічного вираження, залишаються невідмінюваними. До таких термінів належать такі іменники середнього роду, як *адажіо, антре, балансе, болеро, бугі-вугі, буре, жете, лібрето, лімбо, па, па-де-де, танго, фанданго, фуєте* тощо.

Переважає більшість термінів зберігає наголос, який властивий мові-джерелу. Так, терміни з французької мають наголос на останньому складі (*ансамбль, антраша, пірует, релеве, фуєте* тощо), з італійської – на передостанньому (*алееро, сальтарело, оперета, треца* тощо), це стосується й запозичень з інших мов. Акцентологічна зміна з першого на останній склад відбулася у назвах танців *бостон і чарльстон*.

Щодо графічного оформлення, то опрацьовані джерела дозволяють виокремити певні тенденції засвоєння, зокрема, французьких запозичень у складі української хореографічної лексики. По-перше, це терміни, які зафіксовані в графічному оформленні мови-джерела: *battement tendu, demi-plie, flic-flac, rond de jambe par terre* тощо [7, с. 80-100]. Такі іншомовні слова належать до інтернаціоналізмів, тому будучи термінами, характеризуються точністю, системністю, відсутністю конотації та полісемії. Використання таких іншомовних вкраплень зумовлене традицією, забезпеченням міжнародного розуміння, а також бажанням якомога точніше передати той чи той рух. Зауважимо, що тут використовуються синтаксичні засоби української мови: *temps leve' no I, II, V позиціях, pas assemble z відкриттям ноги в сторону* [див. 4, с. 12-15], *одинарне pas tortille'* [7, с. 90], *новорот fouette із пози effacee в позу attitude effacee* [16, с. 291].

По-друге, поряд з французькими назвами, дається пояснення українською: *plie'* (присідання), *battement tendu* (натягнутий рух), *battement tendu jete* (рух з кидком), *battement fondu* (таючий) [див. 4, с. 12], *великий кидок (батман)* [9, с. 105] тощо. Найчастіше, термін або калькується, або перекладається описовою конструкцією: *battement tendu* – батман тандю (ковзання ногою по підлозі у I, III позиціях вперед, убік, назад), *releve* (підйом на півпальці у I, II, III, VI позиціях) тощо [див. 13]. Такі пояснення даються переважно в описах народно-сценічних, а також спортивних бальних танцях, де використовуються терміни класичного танцю.

По-третє, опрацьовані джерела фіксують також кириличне засвоєння цих термінів: *адажіо, батман, ешане, пор де бра, релеве* та ін. (див. 9). Асимілюючись, запозичені терміни набувають усіх формальних властивостей української мови. Так, задля визначення роду основним критерієм є не початковий рід іншомовного слова, а формальний збіг з формами роду української мови. Це підтверджують приклади, коли рід іменника в українській мові відрізняється від роду в мові-джерелі. Наприклад, терміни *attitude, preparation, glissade, promenade, pirouette, exercice* у французькій мові належать до жіночого роду, а в українській – чоловічого.

Окремі терміни утворені субстантивацією прикметників. Цей процес відбувся у мові, з якої запозичено терміни, а українська мова використовує вже субстантивовані прикметники: *алеманда* (фр. *allemande*, букв. – німецька) – старовинний німецький плавний танок [12, с. 35], *англез* (із фр. *anglaise* букв. англійська) – танець [8, с. 17],

арабеск (фр. arabesque, від італ. Arabesco – арабський) – поза в класичному балеті [11, с. 51], *екосез* (фр. ecossais букв. шотландський) – старовинний шотландський парний танець, а також музика до нього [2, с. 202], *падеспань* (франц. pas d'Espagne, букв. – іспанський танець) – бальний танець, який поєднує балануючі рухи з вальсовими [11, с. 413], *полонез* (від фр. polonaise – польський) – 1) урочистий бальний танок, який походить від польського народного танцю, 2) музичний твір у ритмі цього танцю [12, с. 537], *романеска* (італ. romanessa, від romanesco – римський) – італійський народний танець [5, с. 1274].

На основі запозичених термінів в українській хореографічній лексиці виворюються й власномовні елементи, зокрема, іменники: *лібретист*, *дансантність*; дієслова: *вальсувати*, *фокстротувати*; прикметники: *кордебалетний*, *мазурковий*, *рок-н-рольний* (*рок-н-ролівський*), *фокстротний* тощо.

Попри загальну правописну внормованість, можемо виділити окремі аспекти варіативності у фіксації іншомовних запозичень:

1. Написання термінів із використанням дефісу та без нього: *квік-стен* – *квікстен*, *кек-уок* – *кекуок*, *па-де-баск* – *падебаск*, *па-де-де* – *падеде*, *па-де-катр* – *падекатр*, *па-де-ша* – *падеша*, тощо. Таке написання зумовлене різним ступенем засвоєння слова. Написання через дефіс вказує на усвідомлення етимологічної складності структури терміна, разом – сприйняття основи єдиним цілим.

2. Написання подовжених приголосних в іншомовних словах: *арронді* – *аронді*, *гліссад* – *глісад*, *лібретто* – *лібрето*, *шассе* – *шасе*. Таке написання зумовлене транслітераційною передачею іншомовних термінів, хоча спостерігається деяка вибірковість (пор. *фуєте* (фр. fouetter), *жете* (фр. jette), *партер* (фр. par terre)). Ця позиція суперечить правилам українського правопису, оскільки «у загальних назвах іншомовного походження приголосні зазвичай не подвоюються» [15, с. 119].

3. Паралельне використання задньоязикового звука [ʁ] та горлового [g]: *гавот* – *гавот*, *галінг* – *галінг*, *гальярда* – *гальярда* *гранд па* – *гранд па*, *жига* – *жига*, *ригодон* – *ригодон*, *свінг* – *свінг*, *танго* – *танго*, *фанданго* – *фанданго*. Літера г реабілітована до українського правопису ще у 1993 році, але дотепер не існує повного реєстру слів (зокрема, термінів), де вона повинна писатися.

Отже, попри певні труднощі та варіативність, зазначимо, що вся іншомовна хореографічна лексика семантично засвоєна, вона входить до системи української мови шляхом виділення родо-видових зв'язків, системних відношень; регулярно вживається у мовленні й активно використовується серед спеціалістів у сфері танцювального мистецтва.

Література

1. Балет. Танец. Хореографія. Краткий словарь танцевальных терминов / составитель Н. А. Александрова. – Санкт-Петербург – Москва – Краснодар, Спб. : издательство Лань, издательство Планета музыки, 2008. – 416 с.
2. Бирик С. П. Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання / за ред. С. Я. Єрмоленко / С. П. Бирик, Г. М. Сюта. – Харків : Фоліо, 2006. – 623 с.
3. Вакуленко М. О. Сучасні проблеми термінології та української наукової термінографії / М. О. Вакуленко. – К., 2009. – 69 с.
4. Васірук С. О. Класичний танець : навчально-методичний посібник / С. О. Васірук.

- Івано-Франківськ : Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2009. – 260 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і гол. редактор В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь : ВТФ Перун, 2005. – 1728 с.
 6. Д'яков А. С. та ін. Основи термінотворення: семант. та соціолінгвіст. аспекти / А. С. Д'яков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. – К. : Вид. дім КМ Academia, 2000. – 218 с. – Бібліогр.: с. 198–208.
 7. Зайцев Є. В. Основи народно-сценічного танцю : навчальний посібник для вищих навчальних закладів культури і мистецтв I–IV рівнів акредитації, а також для загальноосвітньої школи, позашкільних та професійних навчальних закладів, системи післядипломної педагогічної освіти / Видання третє / Є. Зайцев, Ю. Колесниченко. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2007. – 416 с.
 8. Іванов В. Ф. Російсько-український словник музичних термінів / В. Ф. Іванов. – К. : Вища школа, 1994. – 112 с.
 9. Колосок О. П. Побудова екзерсису біля станка на основі української народно-сценічної танцювальної лексики: навчально-методичний посібник / О. П. Колосок. – К.: ДАКККіМ, 2001. – 131 с.
 10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М. : Издательство Наука, 1982. – 150 с.
 11. Словник іншомовних слів / Укл. С. М. Морозов, Л. М. Шкарапута. – К. : Наукова думка, 2000. – 680 с.
 12. Словник іншомовних слів / За ред. О.Мельничука. – К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1974. – 776 с.
 13. Спортивний бальний танець : програма для хореографічної школи, хореографічного відділення початкового спеціалізованого мистецького навчального закладу (школи естетичного виховання). Напрямки: «Класичний танець», «Народно-сценічний танець» / укл. І. О. Мірошник. – Київ : Фірма ІНКОС, 2006. – 26 с.
 14. Українська мова: енциклопедія. – К. : Видавництво Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – 833 с.
 15. Український правопис / ред. Є. І. Мазніченко, Н. М. Максименко, О. В. Осадча. – К.: Наукова думка, 2012. – 287 с.
 16. Цветкова Л. Ю. Методика викладання класичного танцю : підручник. – 2-е вид. / Л. Ю. Цветкова. – К. : Альтпрес, 2007. – 324 с.

Ганна Волчанська

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови
Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира
Винниченка.

Юлія Нога

слухач Кіровоградського територіального відділення МАН України,
учениця 10-А класу Компаніївської ЗОШ I–III ступенів Кіровоградської області

СТАНОВЛЕННЯ АНТРОПОНІМІКОНУ КОМПАНІЇВЩИНИ (СЕРЕДИНА XIX–ПОЧАТОК XX СТОЛІТТЯ)

*У статті описано історію становлення антропоніміїної системи сіл
Компаніївка та Комишувата; проаналізовано засоби та способи ідентифікації особи
в цей період.*

Ключові слова: антропонім, прізвище, прізвищева система.

*The paper surveys the history of anthroponomic system formation of villages
Kompaniyivka and Komyshuvata; analyses means and ways of identifying person in that
period.*

Key words: anthroponim, family name, family name system.

Дослідження антропоніміїної системи України та її окремих територій викликає неабиякий інтерес науковців, адже власні особові назви, антропоніми, – це своєрідний шар лексики, який містить інформацію не лише про розбудову словникового складу мови, але й про історичні, етнографічні, культурологічні та політико-економічні процеси суспільства. Власні назви є найдавнішим шаром лексики, але, як зазначає Л. Т. Масенко, сучасне прізвище, як і повне офіційне найменування людини, котре складається з імені, імені по-батькові та прізвища, – явища нового часу [1, с. 45]. Власне, про прізвище в сучасному розумінні цього терміна можна говорити починаючи з 30-х років XIX ст., коли на всіх етнічних українських землях було введено кодифіковане право («Новое гражданское уложение», запроваджене 1826 року, зобов'язувало населення користуватися спадковими особовими назвами).

Мета цієї розвідки – дослідити історію формування антропонімікону Компаніївки та проаналізувати засоби та способи ідентифікації особи на досліджуваній території в період становлення прізвищевої системи. **Матеріалом** дослідження виступають антропоніми середини XIX – початку XX ст., дібрані з документів Державного архіву Кіровоградської області фонду Компаніївського волосного правління с. Компаніївки Єлисаветградського повіту Херсонської губернії «Ревізькі сказки» (1857 рік) та «Посімейні списки» за 1911 рік сіл Компаніївка та Комишувата.

Прізвищева система Компаніївки формувалася під впливом складного історичного розвитку регіону; її специфіка зумовлена особливостями заселення краю козаками-компанійцями, утікачами з внутрішніх губерній та пізнішими міграційними

процесами. Для ідентифікації особи в різні історичні періоди використовувалися різні мовні засоби. За кількістю компонентів виділяють: **одночленні** іменування – індивідуальне ім'я; **двочленні** іменування, що складаються переважно з імені та патроніма (рідше матроніма) чи імені та прізвища, або ж імені та назви за професією, етнічною належністю, місцем проживання; **тричленні** іменування – виражені іменем, назви за батьком та прізвищевою назвою. Засобами ідентифікації особи могли також виступати описові назви.

Результати аналізу фактичного матеріалу вказують на те, що для ідентифікації голови родини, в основному, використовується тричленна модель іменування особи: індивідуальне ім'я + ім'я по-батькові на *-овъ (-евъ)* + прізвищева назва. Запис найменування за батьком на *-овъ (-евъ)* відповідає прийнятій в тогочасній Російській імперії офіційній формулі. Повне ім'я по-батькові на *-вич (-ич)* застосовувалась лише для соціальної верхівки, інші задовольнялися так званим «получтчеством» на *-овъ (-евъ)* [цит. за 1, с. 23]. Дружина, діти, інші родичі в «Ревізьських казках» іменуються описово. Наприклад: *Осадчий Василий Алексеевъ; Василия Осадчего жена Парасковия Миронова; его же дочь Ксения* [3, с. 40–41]. Одним із компонентів описових назв виступає апелятив, що вказує на родинні зв'язки (*дочь*, *жена*, *вдова*, *пасынок*, *племянник* і под.), наприклад: *Тканова Семёна двоюродные сёстры Полфирия и Феодосия* [Там само, с. 34].

На перший погляд, найменування синів можна віднести до одночленних, коли батько ідентифікується тричленним найменуванням, а для синів вживаються лише імена. Але в іншому місці документа сини іменуються описово, наприклад: *Черняковъ Савелий Яковлевъ его сыновья: Захарий, Никифоръ, Яковъ* [Там само, с. 75]; *Григорий Кириловъ Москаленко, Григория Кирилова сынъ Иосифъ* [Там само, с. 29].

Варто відзначити, що прізвищева назва батька ще не передавалася синові. В описовому найменуванні сина відсутній третій компонент тричленної формули ідентифікації батька, який вважаємо прізвищевою назвою: *Власъ Наумовъ Потапенко, Власа Наумова сынъ Димидъ, Димида Власова сынъ Сергій, Демида Власова жена Дарія Прохорова* [3, с. 29, 30]. Двочленні найменування для голови ревізьської родини в досліджуванному документі можна вважати радше винятком, їх налічуємо лише чотири одиниці: *Биловойненко Фома, Самойловъ Василий (круглый сирота), Завидионовъ Мойсей, Ткановъ Семень*.

У «Ревізьських казках» (1857) фіксуються і паралельні засоби ідентифікації, які використовуються для більш детальної характеристики особи і в нашому випадку, припускаємо, носять характер вуличного прізвища, наприклад: *Агеевъ, он же Тканный Ефремъ Анистратовъ*, [Там само, с. 81]; *Тканный Григорий Леонтьевъ, он же Мазанный* [Там само, с. 95]; *Тканный Степанъ Мойсеевъ, он же Немазанный* [Там само, с. 97].

Паралельні засоби ідентифікації, що використовуються в офіційній формулі найменування особи свідчать про побутово-звичаєву практику документального найменування. А позаяк таких одиниць маємо лише шість, це дозволяє стверджувати, що перехід до адміністративно-юридичного формування цієї антропонімійної системи в основному було завершено.

Інший документ – «Посімейні списки» за 1911 рік фіксує остаточне закріплення традиційного тричленного найменування як засобу ідентифікації особи.

Наприклад: *Бардалимиъ Георгій Івановичъ* [2, с. 69], *Андриенко Филипъ Павловичъ* [Там само, с. 65]. Формула ім'я + назва по батькові на -вич + прізвище є максимально наближеною до сучасних способів ідентифікації. Така ж формула застосовується для жіночого населення, наприклад: *Фоменко Матрѣна Васильевна* [Там само, с. 60]; *Наконечная Евдокия Степановна* [Там само с. 104].

Інформагивний потенціал архівних пам'яток, що використовуються в дослідженні, дозволяє відтворити сімейні структури в межах двох-трьох поколінь. Можна стверджувати, що на момент фіксації в «Посімейних списках» 1911 р., прізвищеві назви набули однієї з головних ознак прізвища – спадковості та передавалися з покоління в покоління в незмінному вигляді, наприклад: 1858 р. – *Николай Калениковъ Безрукъ*, *Николая Каленикова сынъ Николай* [3, с. 30]; 1911 р. – *Безрукъ Николай Николаевичъ* [2, с. 65].

Також така реконструкція родинної структури дає можливість відстежити, що при спадковому збереженні прізвищеві назви в офіційному найменуванні особи уже не використовуються додаткові (паралельні) засоби, наприклад: 1858 р. – *Тканный Степанъ Мойсеевъ, он же Немазанный, его сынъ Зиновий* [3, с. 97]; 1911 р. – *Тканный Зиновий Степановичъ, Тканный Василий Зиновьевичъ* [2, с. 53]

Отже, аналіз антропонімного матеріалу архівних документів сер. XIX – поч. XX ст. дозволив встановити, що адміністративно-юридичне нормування прізвищеві системи селища на початок XX ст. було остаточно завершено.

Перспективами подальших досліджень виступає зіставний аналіз лексико-семантичних та словотвірні-структурних особливостей прізвищеві системи Компаніївщини двох часових зрізів: сер. XIX – поч. XX ст. та поч. XIX століття.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Масенко Л. Т. Українські імена і прізвища / Лариса Терентіївна Масенко. – К. : Товариство «Знання» УРСР, 1990. – 48 с.
2. Посімейні списки, 1911 рік // Державний архів Кіровоградської області, фонд 31, опис 1, справа 1.
3. Ревізькі сказки (копії), 1858 рік // Державний архів Кіровоградської області, фонд 31, опис 1, справа 4 (фонд волосного правління с.Компаніївка Єлисаветградського повіту Херсонської губернії).

Здорикова Ю.Н.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ивановского государственного химико-технологического университета

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ

Устаревшие слова как определенный пласт лексического состава языка привлекают в последнее время внимание многих исследователей [1; 3 и др.]. В непрерывно развивающейся языковой системе эти слова занимают определенное место, их изучение позволяет приобщиться к национальной истории и культуре, лучше понять традиции и менталитет народа. Вызывает интерес изучение данной группы слов в социолингвистическом аспекте, когда во главу угла ставится использование устаревших слов в речи определенной социальной группы, причем изучение это детерминировано возрастом, местом рождения, образованием, специальностью и полом. К интересным выводам пришла Т.И. Ерофеева, исследовавшая употребление историзмов и архаизмов в речи городских жителей. Выбор объекта исследования неслучаен, поскольку «устаревшее слово является неотъемлемым компонентом в языковой картине мира горожан» [2, с. 6]. По мнению ученого, устаревшие слова в современной речи не являются застывшим слоем, их обновление идет постоянно и охватывает не отдельные слова, а достаточно широкий круг лексических единиц, что было выявлено при сопоставительном анализе двух редакций «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (1946 г. и 1972 г.). Т.И. Ерофеева описывает результаты анализа употребления 45 архаизмов в студенческой группе из 24 человек с точки зрения значения слова и употребления слова в речи. По наблюдениям исследователя, результаты эксперимента свидетельствуют о достаточно полном знании устаревших слов данной аудиторией. В то же время, как отмечает Т.И. Ерофеева, показатель речевого употребления устаревших слов ниже показателя знания этих значений, что связано с составом аудитории: «возраст 18-20-летних студентов ... не приемлет высокой стилевой окраски, характерной для большинства устаревших слов» [2, с. 6].

Нам было интересно проследить, насколько освоенными оказываются устаревшие слова – историзмы и архаизмы – студенческой аудиторией. На наш взгляд, речь молодежи как социально активного слоя общества во многом определяет языковые тенденции его развития. Молодое поколение сегодня играет значительную роль в жизни общества и публичной коммуникации. В словаре «Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты» читаем: «Молодежь – термин, определяющий социально-возрастной слой общества (юношей и девушек) от 14 до 30 лет, через который воспроизводится вся совокупность общественных отношений. *От степени восприятия молодежью тех или иных исторических ценностей (духовных, нравственных, материальных), от творческого развития молодежи зависит будущее Российского государства*» (курсив наш – Ю.З.) [цит. по: 4, с. 58]. В связи с этим представляется целесообразным исследование устаревших слов, отражающих национальную историю и культуру, именно в студенческой аудитории. Исследование проводилось среди студентов Ивановского государственного

химико-технологического университета в возрасте 18-20 лет. Анализировалось знание значений слов, умение использовать их в речи, а также умение определить принадлежность слова к конкретной группе (историзм/ архаизм). Для исследования произвольно были отобраны следующие лексемы: *ведать, выя, сеча, алтын, корчма, золото, холоп, азбуковник, ключник, околоток, треух, десница, живот, зело, ежели, дочь, супостат, брадобрей, чертог, осьмерик, цуг, кистель, ассигнация, тесак, лепота, малахай, перст, грясти, животворить, облук, бурмистр, секира, длань, ланиты, воевода, бугурчатка, агнец, бессребреник, кольчуга, пещаль, чело, ниц, житница, ноц, токмо.*

По результатам проведенного анализа было установлено, что респонденты в большинстве случаев верно определяют значения следующих слов: *ведать, золото, холоп, ключник, тесак, лепота, воевода, кольчуга, чело.* Не вызвало трудностей и употребление данных слов в речи.

Неточно определяются студенческой молодежью значения следующих слов: *выя, сеча, алтын, зело, дочь, чертог, перст, грясти, секира, длань, ланиты* и др. Приведем некоторые примеры неверного толкования значений слов: *сеча* – «лес», «название крупы», *ведать* – «повествовать», *азбуковник* – «писарь», «учебник азбуки», «первый букварь» (значение слова в современных словарях трактуется так: «В России 13-18 вв.: анонимный рукописный словарь или справочник, содержащий сведения нравоучительного, учебного и энциклопедического характера» [5]), *ключник* – «родник», «человек с ключами», «слуга», *десница* – «вена», *живот* – «животное», «живот», *чертог* – «ценник», *лепота* – «хорошее расположение духа», «отдыхать», *перст* – «кольцо», *грясти* – «идти», *животворить* – «создавать», «жизнь творить», «рисовать», *бурмистр* – «глава города», *ланиты* – «губы», «уши», *бессребреник* – «попрошайка», «бедняга», *чело* – «голова», «шапка», «лицо».

В третью группу вошли слова, значения которых респондентам неизвестны, это *малахай, облук, корчма.*

Отнесение анализируемых слов к группе историзмов или архаизмов в большинстве случаев определяется респондентами верно. Так, принадлежность слов *выя, десница, зело, дочь, брадобрей, перст, грясти, животворить, длань, ланиты, бугурчатка, агнец, бессребреник* к архаизмам и слов *сеча, холоп, чертог, тесак, облук, воевода* к историзмам определяют более 50% студенческой аудитории, лишь 10-20% респондентов правильно определили разряд устаревших слов *ведать, корчма, треух, осьмерик, малахай, бурмистр* и от 20 до 50% слов *алтын, азбуковник, цуг, ассигнация, лепота, секира.* В 100% случаев верно указан разряд слова *облук.*

Употребление же данных слов в речи показало, что студенты составляют самые простые синтаксические конструкции, обнаруживая бедность словаря. Очевидно, то, что устаревшие слова входят в пассивный словарь языка, не используются всеми и повсеместно, знакомимся мы с ними на уроках истории или читая художественные произведения, во многом объясняет трудности в использовании этих слов в речи.

В целом, исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что студенческой аудитории знакомы многие из названных устаревших слов, респонденты в большинстве случаев верно определяют их значение и используют в речи. Историзмы и архаизмы занимают определенное место в лексической системе языка, их изучение позволяет приобщиться к сокровищам духовной жизни народа,

Литература

1. Бухалов А.В. Устаревшая лексика как лингвистическая составляющая этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 1. С. 74-83.
2. Ерофеева Т.И. Устаревшее слово в речевом узусе современного города (стратификационное исследование) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 5-11.
3. Камаева Р.Б. Архаизмы как одна из основных категорий устаревшей лексики // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 4. С. 1838-1841.
4. Фомченкова Г.А. Состояние и развитие взглядов на молодежь как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 56-59.
5. www.gramota.ru.

Ларионова Н. П.

АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

Курский филиал

ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА СВЕТА В РОМАНЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»

Свет в сознании человека издавна соотносится и отождествляется с понятием жизнь. Для христианина Жизнь есть Бог и постоянное стремление к Нему. Подтверждение этому мы находим в тексте Библии: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин 1, 5).

Изучению Божественного Света посвящены работы Григория Богослова, Симеона Богослова и Григория Паламы, которые сходятся во мнении, что *«Бог есть свет высочайший, недоступный, несказанный, ни умом не постигаемый, ни словом не изрекаемый, просвещающий всякую разумную природу. Он — то же в духовном мире, что солнце — в чувственном»* [1, с.185]. При этом Григорий Богослов указывал, что есть *«... и другой свет, которым изгнана и пресечена первоначальная тьма: этот свет — первооснова видимого творения, а именно — циклическое вращение звезд и небесная стража, освещающая весь мир»* [1, с.186].

В романе М.Е. Салтыкова-Щедрина *«Господа Головлевы»* образ света присутствует в обеих ипостасях, о которых рассуждают отцы церкви: как чувственный свет солнца и мысленный свет Божественной любви (Благодать). Однако в своей работе остановимся только на реальном (физическом) воплощении данного образа.

Многие исследователи последних десятилетий (И. Павлова, А. Колесников, А. Ауэр и др.), указывая на идейную и символично-эстетическую близость романа с текстом Библии, отмечали, что в тексте произведения много образов, относящихся к религиозной (христианской) обрядовости: свечи, лампы, иконы. Исследователи считали, что все это является фоном, необходимым для еще более отчетливого понимания того, что в некогда благополучном семействе происходит тяжелейшее нравственное беззаконие, драма, остановить которую сам Человек уже не в состоянии.

Рассмотрим каждый из названных образов-символов более подробно и попытаемся определить их функцию в художественном произведении.

«Огонь горящих... свечей и лампад служит для нас образом огня духовного — Духа Святого, сошедшего в огненных языках на апостолов, попадающего греховные наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к Богу и друг к другу». (св. прав. Иоанн Кронштадтский). Умиление, сострадание, благоговение и тихую радость надлежит испытывать человеку, стоящему у лампадки. Однако элементы религиозной обрядовости приобретают в романе «Господа Головлевы» не вполне традиционное значение.

«Лампадка горит перед образом и светом своим сообщает предметам какой-то обманчивый характер, точно это не предметы, а только очертания предметов. Рядом с этим сомнительным светом является другой, выходящий из растворенной

двери соседней комнаты, где перед киотом зажжено четыре или пять лампад. Этот свет желтым четырехугольником лег на полу, словно врезался в мрак спальни, не сливаясь с ним. Всюду тени, колеблющиеся, беззвучно движущиеся» [2, XIII, с.104]. Лампадный огонь здесь не дарит человеку успокоения. Он устрашает, т.к. рождает мрак и призраков.

Поразительна по силе эмоционального воздействия сцена появления Иудушки на антресолях перед умирающим братом. Павел Владимирович видит, как внезапно в Святом углу, где «образ в золоченом окладе, в который непосредственно ударили лучи лампадки, с какою-то яркостью, словно что-то живое, выступал из тьмы» [2, XIII, с.80], все вдруг задвигалось. «Одиночество, беспомощность, мертвая тишина – и посреди этого тени, целый рой теней. Ему казалось, что эти тени идут, идут, идут... Как вдруг у его постели выросла ненавистная фигура Иудушки. Ему померещилось, что он вышел оттуда, из этой тьмы, которая сейчас в его глазах так таинственно шевелилась; что там есть еще и еще, и еще... тени, тени, тени без конца! Идут, идут...» [2, XIII, с.80].

Святой угол, описанный Щедриным, становится самым страшным местом в комнате. Он утрачивает спасительные свойства, перестает укреплять духовно умирающего человека. Именно духовно, и только потом, как следствие, физически умирающего.

Это объясняется вовсе не утратой веры в Бога и Его силу. Обитатели дома воспринимают их как данность, неизменную и незыблемую. Причина кроется в том, что Бог, молитва, икона, лампада, свечи становятся лишь атрибутами комнат и имения вообще. Примером может послужить эпизод, когда Иудушка разорвет божницу в Погорелке, вырывая законное наследство – маменькины образа. «В киоте стояло уже немного образов... Образовавшиеся пустые места смотрели словно выколотые глаза. И лампад не было – все взял Иудушка...» [2, XIII, с.160].

Исчезла вера в то, что жизнь – это Чудо и великое Благо, даруемое Богом, и соответственно молитва как благодарность за это чудо перестала иметь смысл для Головлевых. Достаточно вспомнить описание Иудушки, в совершенстве овладевшего техникой молитвенного стояния. Он «... знал, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда следует складывать руки ладонями внутрь и когда держать их воздетыми, когда надлежит умиляться и когда стоять чинно, творя умеренные крестные знамения» [2, XIII, с.135]. Дело в том, что веры, надежды, любви и искренности в подобном стоянии не было вовсе. Общение с Богом посредством молитвы для Порфирия было чистой воды необходимостью, ежедневным фарсом, который он исполнял по традиции, установленной в семействе задолго до него. Единственным основанием не отказываться от молитвы, по словам писателя, была боязнь черта и надежда на то, что «Бог избавит его от лукавого» [2, XIII, с.134].

В этом смысле интересно проследить, что все Головлевы испытывают одинаково устрашающие их эмоции, соприкасаясь со светом, источником которого выступает свеча или лампада. Степан, оказавшись на вынужденном содержании у матери, уже через несколько месяцев прозябания в черной и прокуренной комнатенке признавался, что «даже свет свечей, зажженных в конторе, и тот опостылил ему; и он затворялся в своей комнате, чтобы остаться один на один с темнотою...» [2, XIII, с.49-50]. Аннинька, вернувшаяся в Головлево после смерти сестры, находила для

себя успокоение в том, что « ... любила следить, как постепенно потухают мерцания серого зимнего дня, как меркнет окрестность и комнаты наполняются тенями и как потом весь дом окунется в непроницаемую мглу. Она чувствовала себя легче среди этого мрака и поэтому почти никогда не зажигала свечей» [2, XIII, с.271].

Возвращаясь к словам Священного Писания о том, что Бог есть Свет и Жизнь (1 Ин 1, 5), продуктивной становится идея о том, что Головлевы подсознательно избегают света, то есть существуют вне Бога и Его заповедей. В этом смысле обрядовые образы света (свеча, лампада) указывают не на свет жизни, идущий от божества, а скорее наоборот: свет, от божества отделяющий и во мрак повергающий. «Теперь ничего не предчувствовалось, ничего не предвиделось: ночь, вечная, бессменная ночь – и ничего больше» [3, XIII, с.283].

Литература

1. Жизнь и учение св. Григория Богослова : монография / Иларион ; Иеромонах Иларион (Алфеев); С предисл. митрополита Суражского Антония. - М. : Крутиц. Патриаршее подворье, 1998.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20-ти томах. – М., «Художественная литература», 1972.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК – ПУБЛІЦИСТ

Про Бальзака написано сотні сторінок і у літературі, присвяченій великому генієві, знаходимо інколи кардинально протилежне оцінювання його як людини, письменника, творця.

У другій половині XIX століття розпочалося наукове вивчення творчої спадщини Оноре де Бальзака. Вважається, що першим про своєрідність письменника заговорив Іполит Тен. У критичному аналізі «Людської комедії» (1858) він позиціонує Бальзака як основоположника натуралізму, письменника нового типу, котрий, спостерігаючи і систематизуючи життєві явища, дотримується «об'єктивного методу» вивчення і відображення життя. Так вважав і Еміль Золя. Слідом за Теном Брюнетьер, Ле Бретон, Фате, Белесор, Берто та інші літературознавці початку XIX століття заклали основи бальзакознавства. Творчість великого француза вивчалась на основі не лише художніх текстів, але й нарисів, статей, листів, рецензій, фактів, дат – усіх документів, що стосувалися його життя. У російській науці питання про літературну цінність творчості письменника одним з перших торкається В. Г. Белінський. Американські дослідники Дарган, Крейн, Барнес провели порівняльний аналіз різних редакцій творів Оноре де Бальзака. Відомий німецький вчений Курциус у своїй монографії стверджував думку про те, що Бальзак – один з яскравих представників романтизму.

Великим кроком у розвитку бальзакознавства став спеціальний випуск журналу «Єроп» (серпень – вересень 1950 року), у якому розглядалося міжнародне культурне і суспільно-політичне значення «Людської комедії». У 40 статтях видання представники науки 15 країн визначали цінність і актуальність творчої спадщини Оноре де Бальзака.

Нова хвиля інтересу до творчості Бальзака спостерігається у 60-70-ті роки XX століття. У 1952 році у Парижі вийшов збірник, присвячений сторіччю з дня смерті письменника. М. Бірдеш у монографії «Бальзак – романіст» (1947) простежив процес формування його творчої особистості у 20-30-ті роки. Надзвичайно великий фактичний матеріал зібрано у книзі Б. Гойона «Політична і соціальна думка Бальзака» (1947). Глибоко характеризує епоху та митця Ж.Е. Доннар у монографії «Бальзак. Економічні і соціальні реалії у «Людській комедії» (1961). Данський вчений П. Нікрог своє дослідження «Думка Бальзака у «Людській комедії» (1965) присвятив зв'язку письменника з наукою, принципами і методами наукового мислення. Цілий ряд публіцистичних статей про творчість Бальзака і книгу «Нелюдська комедія» (1965) написав А. Вюрмсер. Одним з найкращих у французькому літературознавстві 60-70-х років є цикл праць П. Барберіса: «Джерела Бальзака» (1965), «Бальзак і «зло століття» (1971), «Світ Бальзака» (1973). Найновіші матеріали з'являються у «Бальзаківському щорічнику».

Написано багато біографічних романів - досліджень про письменника, серед яких найбільш яскравими є «Прометей, або життя Бальзака» Андре Моруа і «Бальзак»

Стефана Цвейга.

Зв'язкам Оноре де Бальзака зі слов'янською культурою присвячено книгу С. Корвін-Піотровської «Бальзак і слов'янський світ» (1933). Важливими етапами у розвитку радянського довоєнного бальзакознавства були статті В.Р. Гриба, монографія Б.Г. Реізова «Творчість Бальзака», книга Б.О. Грифцова «Як працював Бальзак». Дослідження Л.П. Гроссмана «Бальзак у Росії» стало основою для написання роману відомого українського письменника Натана Рибак «Помилка Оноре де Бальзака» (1940). Особливо активізувалося вивчення цих питань у післявоєнні десятиліття, коли з'являється збірник Б.Г. Реізова «Бальзак» (1960), монографія Д.Д. Обломієвського «Бальзак. Етапи творчого шляху» (1961), книги і дослідження М.Є. Єлізарової, Н.І. Муравйової, А.І. Пузікова, Р.М. Самаріна, Р.А. Резнік, Є.П. Кучборської, О.В. Ловцової, Т.В. Соколової та інших авторів.

Значним є внесок і українських вчених. Цікавими лишаються дослідження С.В. Савченко, С.І. Родзевич, Т.К. Якимович, А.В. Чичеріна, В.І. Пащенко, А.А. Розанової. Особливої уваги заслуговують монографія Д.В. Затонського «Мистецтво роману і ХХ століття» (1973), книга Д.С. Наливайка «Оноре Бальзак» (1985).

Чимало письменників прийшло у літературу через журналістику, Бальзак й у цьому був серед перших: «У Франції цінують дотеп понад усе, а газети мають зброю сильнішу, аніж дотепність усіх разом узятих дотепників» [1, с.500]. Велика кількість періодичних видань часів Липневої монархії та їх бурхлива політична діяльність були у центрі уваги усієї Європи. Це була справді «четверта влада» у державі (лише у Парижі друкувалося близько 350 газет і журналів). Ім'я Бальзака щоденно з'являлося на сторінках паризьких газет та журналів під статтями, замальовками, нарисами, шаржами, оповіданнями, оглядами. У 1830 році він бере участь у створенні республіканського тижневика «Карикатур» і друкується під псевдонімами Альфред Кузур, Ежен Моріссо, Анрі де Б., граф Алекс де Б. Кількість написаного ним важко узагальнити, очевидно ж те, що це була справжня школа реалізму.

Робота Бальзака - публіциста розвивала точність викладу подій, конкретність описів, навчала бачити не лише незвичне, вражаюче, але й буденне, у індивідуальному знаходити типове. Вона допомогла письменнику звільнитися від суб'єктивної нормативності і підійти впритул до правди життя. Після невдач Бальзака з першими романами, які не принесли автору очікуваної слави і багатства (він знав їх недоліки і свідомо не підписував ці твори своїм ім'ям), письменник робить наступний важливий крок у творчому розвитку – стає журналістом, починає роботу в газетах, освоює нові жанри малих форм.

Нариси Бальзака створювались одночасно з усіма його головними творами, що увійшли до величної «Людської комедії». Вперше короткі нариси-замальовки з життя Парижу, що висловлювали безпосередні враження письменника та його спостереження з'являються іще у 1824 році.

Перші нариси Бальзак написав у 1825-1826 роках. Вони склали два цикли: «Кодекс чесних людей, або Мистецтво не пошиватися у дурні» і «Маленький критичний і анекдотичний словник паризьких висівок». Це своєрідна панорама різних соціальних типів. У 1829 році надруковано «Фізіологію шлюбу» (перший варіант було створено у 1824), що стало підсумком творчих пошуків письменника у жанрі «фізіології». Саме у цих ранніх творах (а також «Мистецтво зав'язувати краватку», «Мистецтво ніколи

не снідати у себе» та інші) Бальзак вперше у своїй творчій практиці безпосередньо звертається до життєвих спостережень, вивчення дійсності, навчається майстерності у зображенні деталей, мистецтву карикатуриста, й разом з тим розкриває глибинне значення реальної дійсності.

Важливе значення має другий цикл нарисів, створений у другій половині 1830, у 1831- 1832 роках, які друкувалися у журналі «Карикатюр» (близько 100 творів). Вважають, що вони стали своєрідною підготовкою до великих творів 1833-1835 років («Євгенія Гранде», «Гобсек», «Батько Горіо»). У цей період Бальзак випробовує нові способи художнього відображення сучасності і головного «героя» тогочасної Франції – буржуа. Переважна більшість нарисів 1830-1832 років – це не лише зображення життя і діяльності самої буржуазії, а й викриття уряду Липневої монархії.

Третій цикл нарисів написано у 1839-1844 роках: «Бакалійник», «Нотаріус», «Монографія про рантьє», «Історія і фізіологія паризьких бульварів», «Зникаючий Париж». Це великі за розміром твори, яскраві картини суспільного життя, підсумки багаторічних спостережень і роздумів, узагальнення соціальних процесів, які втілюють сучасність не у постатях людей, які виділяються на фоні старих соціальних відносин, вирізняються як дещо нове у традиційному способі життя, а в типових образах «бакалійника» і «рантьє». У цих нарисах головною є думка про соціальні контрасти, співіснування бідності і багатства.

«Обидві тенденції сатиричної типізації, що знайшли відображення у фізіологіях Бальзака: сатирично-побутова, яка концентрує увагу на характеристичні якогось одного «типу», і памфлетна, сатирично-політична, яка прагне охопити велику кількість типів і явищ, виникли з практики усього розвитку передової «кишенькової фізіології» початку 40-х років і розроблялися багатьма авторами», - стверджує Т.К. Якимович [5, с.222]. Памфлетно-сатирична спрямованість нарисів Оноре де Бальзака обумовила поетичні особливості і головне призначення художньо-публіцистичної проблеми жанру – питання про типове. У нарисах - фізіологіях письменника не побачимо індивідуалізованих образів, його типи зазвичай безіменні. Це була спроба своєрідного узагальнення і, разом з тим, детального опису типових ознак, які давали характеристику усій «породи», усього «виду» (згідно тогочасної термінології), тобто, певної соціальної категорії чи професії. Такий спосіб зображення був свідомим спрощенням реалістичного мистецтва, бо цього вимагав жанр. В умовах тогочасної цензури саме нарис виконував сатиричну функцію, показував різноманітні соціальні типи у типовому середовищі, знайомив читача з життям французького суспільства, давав можливість класифікації і узагальнення багатьох соціальних явищ. У книзі «Люди і характери у Франції за царювання Луї-Філіпа» автор популярних нарисів Кастіль писав: «Саме у творах Бальзака наші онуки будуть шукати правдиве і детальне зображення характерів звичайного життя... Пан Бальзак перелічує і класифікує, він класифікує буржуа, аристократів, жінок. До кожного він чіпляє етикетку і визначає з дивовижною точністю його місце» [3, с.350].

Оноре де Бальзак яскраво виявив себе у гострій дискусії про становище і суспільне значення преси, яка розгорнулася у французькій літературі і публіцистиці 30-40-х років. Думка про відсутність свободи друку, поступову деградацію журналістів є і однією з проблем «Втрачених ілюзій». Справжньою енциклопедією французьких газетярів стала «Монографія про паризьку пресу», побудована на фактах з

реального життя. Цей твір складається з низки розділів, кожен з яких є детальною характеристикою одного з типів літературів і закінчується «аксіомою» - сатиричним висновком. Журналісти за Бальзаком поділяються на два види: публіцисти і критики. «Головна особливість цих видів полягає у повній відсутності особливостей» [2, с.4]. І ось перша ж сатирична аксіома, сповнена іронії: «Пресу можна вбити так, як і народ, - дати свободу» [2, с.4]. На думку письменника, за часів Просвітництва публіцисти були прекрасними письменниками, мислителями, ідейними вождями, а у сучасному світі це дешеві писаки, здатні лише на те, аби бити слабких.

Бальзак - журналіст, Бальзак - письменник виявився ще й провидцем, оскільки іще на початку XIX століття зауважив: «Замість піднятися до служіння громаді, газета зробилася знаряддям у руках партій, знаряддя стало предметом гендлю. А де гендлюють, там, як відомо, втрачають і сором, і совість...газета існує не для того, щоб спрямовувати громадську думку, а щоб їй потурати. Тому всі газети рано чи пізно стануть боягузливими, підлими, лицемірними, брехливими і смертоносними – вони вбиватимуть думки, ідеї, людей і завдяки цьому процвітатимуть» [1, с.500-501].

Література

1. Бальзак Оноре Втрачені ілюзії // Твори в 10-ти томах, том 4. - К.: Дніпро, 1990.
2. Бальзак Оноре Монографія о парижской прессе. - Минск: Юнацтва, 1960.
3. Бальзак в воспоминаниях современников. - М.: Художественная литература, 1986.
4. Наливайко Д. С. Оноре Бальзак: Життя і творчість. - К.: Дніпро, 1985.
5. Якимович Т. К. Французский реалистический очерк 1830-1848 г.г. - М.: Издательство АН СССР, 1963.

Кунгурова О.Г.

Профессор, к.ф.н., Костанайский государственный университет, Казахстан

Бодрова Е.

Магистр филологии, Казахстан

СИМВОЛИКА КРАСНОГО ЦВЕТА В РАССКАЗАХ ВЕРЕСАЕВА

Исследователями-филологами отмечена особая роль сенсорных оценок в поэзии и прозе рубежа 19 – 20 веков. Надрывность эпохи проявлялась не только в тематике, но и в выборе языкового материала: писатели и поэты руководствовались не только законами логики, но и апеллировали к чувствам восприятия - осязанию, зрению, обонянию при создании модели художественного мира. Согласимся с мнением тех ученых, которые особое значение придают категории оценки как одного из способов раскрытия авторской позиции (А.Б. Есин, А.Ф. Папина, Т.В. Маркелова, В.Г. Гак, Т.Ю. Колясева, Л.Г. Бабенко). Обратимся к проблеме зрительной «оценки» в прозе одного из значимых прозаиков обозначенного исторического периода - В.Вересаева, его циклу «Невыдуманные рассказы о прошлом», в частности к миниатюре «Легенда».

Используя элементы контент-анализа, представим результаты наблюдений в таблице: статистические данные позволят проанализировать смысловую нагрузку на красный цвет в этом произведении. Обратимся к тексту: «А когда **рассвело**, они увидели вот что. Из ствола и из пня **срубленной пальмы** сочилась **кровь**, стояли **красные лужи**. **Оборванные лианы** корчились на земле, как **перерезанные змеи**. Из **обрубленных сучьев** капали **алые капли**. Это был священный лес. В Самоа есть священные леса, деревья в них живые, у них есть душа, в волокнах бежит **кровь**. В таком лесу туземцы не позволяют себе сорвать ни листочка» [1].

Цветовая палитра

Всего страниц – 0,5

Количество слов на странице – 226

Обозначение цвета	Слова и их производные	Количество производных	% производных
Прямое	красный	2	0,88%
	<i>Оттенки:</i> алые капли	1	0,4%
Непрямое	<i>Осязаемые:</i> Костер	1	0,4%
	<i>Характеризующие пространство:</i> Рассвет	1	0,4%
	<i>Предметные:</i> Кровь	3	1,3%
	из пня срубленной пальмы	1	0,4%
	перерезанные змеи обрубленных сучьев	1	0,4%
оборванные лианы	1	0,4%	

Анализ цветовой палитры в миниатюре «Легенда» позволяет сделать вывод о том, что автор намеренно делает акцент именно на красном цвете, другие цвета не упоминаются. Использование красного в художественной системе того или иного писателя часто сопряжено с определенной смысловой нагрузкой. Известно, что исторически значение красного цвета ассоциировалось у человека с цветом крови, пламени, восхода и захода солнца. В словаре Н.Жюльен указана неоднозначная расшифровка символики красного цвета в различных культурах [2], что позволяет говорить о двуплановой семантике: позитивной и негативной. В художественном пространстве данной миниатюры красный однозначно воспринимается как негативный – кровавый, агрессивный. Обращает на себя внимание упоминание рассвета в зачине. Он предупреждает о несчастье. В дальнейшем этот «знак беды» получит реализацию в тексте. Прямое использование цветоименования *красные лужи, алые капли* указывают на «кровавую расправу». Непрямое название цвета также связано с доминирующим смыслом: *перерезанные змеи, обрубленные сучья, оборванные лианы, из пня срубленной пальмы*. Возникает ощущение, что автором создана некая загадка - метафора. Название миниатюры - «Легенда» - подчеркивает предположение. Прямое и не прямое использование цвета выполняет определенную функцию: в художественном пространстве Вересаева неодушевленные предметы олицетворяются (*В Самоа есть священные леса, деревья в них живые, у них есть душа, в волокнах бежит кровь*). Максимально напряженное зрительное восприятие читателя разгадывает замысел автора: используя аллегорическую форму, он повествует о

том, что в замкнутом, одновременно ирреальном и реальном пространстве – в лесу на острове Самоа - произошло преступление. В завершение Вересаев пояснит, в чем именно оно состояло: *«Да, в жизнь нужно входить не веселым гулякою, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом как в священный лес, полный жизни и тайны»*. Подводя итог, можем заключить, что в данном эпизоде В.Вересаев использует красный цвет, чтобы заострить идейную направленность своего произведения, рассчитывая на интуицию и ассоциативное мышление читателя.

Литература:

1. Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы о прошлом. Литературные воспоминания. Записки для себя. – М.,1984.
2. Жюльен Н. Словарь символов. - Челябинск, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКО- И БОЛГАРОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СМИ

Эмоции в современном мире выражаются довольно активно, особенно ярко эта тенденция находит выражение в публицистических текстах. «Тексты публицистического стиля, – пишет О.Б. Сиротинина, – всегда адресованы массам и всегда имеют чётко выраженный воздействующий характер. Используемые в этом стиле слова имеют оценочный характер, причём не лично авторский, а социально обусловленный» [3,с.51].

Источником эмоций в текстах СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни. Поэтому среди эмоций в текстах СМИ преобладают отрицательные («*болезненная проблема*», «*беспричинное раздражение*», «*аллея скорби*», «*сильная депрессия*», «*затаенная боль*», «*всемирная катастрофа*»). Эмоциональные доминанты многих текстов современных СМИ определяются объективными общественно-политическими и экономическими процессами в обществе. В болгарском языке, например, также частотны эмотивные лексемы с отрицательной коннотацией (*отчаяние, гнев, напряжение, злоба, депрессия*): «*Отчаянието хора на улицата вече не вярват в капитализма с човешко лице*» («Отчаяние людей на улицах, уже не верящих в капитализм с человеческим лицом») [Стандарт, №7209, 2013, с. 14]; «*Митинге миналата неделя в цялата страна събраха общо повече от 100000 гневни граждани, чийто гняв срещу енергийните монополи прелия във бунт срещу управляващите*» («Митинг на прошлой неделе по всей стране собрал в целом более 100000 разгневанных граждан, чей гнев против монополий в энергетике вылился в бунт против правящих кругов») [Стандарт, №7209, 2013, с.14]; «*Първите демократични избори на велико Народно събрание протекнаха в натегната атмосфера, но напрежението ескалира*» («Первые демократические выборы великого Народного собрания прошли в гнетущей атмосфере, но напряжение нарастает») [Стандарт, №7209, 2013, с. 14]; «*У нас през новия век се усещат повече злоба, отколкото радост*» («В новом веке мы чаще испытываем злобу, чем радость») [Стандарт, №7209, 2013, с. 31]. Люди находятся в таком сложном эмоциональном состоянии – состоянии стресса, что часто впадают в депрессию и вынуждены обращаться за помощью к психологам: «*Гергана сега се държи, защото е под стрес, но вероятно след време, когато напълно осъзнае какво се е случило, ще изпадне в депресия*» («Гергана сейчас держится, потому что находится в состоянии стресса, возможно, когда она полностью осознает, что произошло, впадет в депрессию») [24 часа, №250, 2011, с.10]; «*Ирина изпаднала в депресия и потърсила помощ при психолог*» («Ирина впадала в депрессию и обратилась за помощью к психологу») [24 часа, №250, 2011, с. 24].

Заголовки российских газет пестрят лексемами со значением потрясения: «*Теракт потряс США!*»; «*Игроки просто шокированы*

строгостью решения» и т.д.; поражают названия: «Продается церковь; «Моя самая эрогенная зона – работа». Эта же тенденция обнаруживается и в болгарском языке: «Изнасилване пак **шокира** Индия» («Изнасилование вновь шокировало Индию») [Стандарт, №7209, 2013, с. 26]; «Българите **шокирани** тази новините» («Болгары шокированы этой новостью») [Стандарт, №7209, 2013, с. 29]. Средства массовой информации, безусловно, хотят подогреть интерес читателей к своим изданиям, поэтому на страницах газет сплошь *громкие дела, премьеры, сенсации, скандалы, ужас, шок*: «И клуб, и сам игрок просто **шокированы** строгостью решения»; «**Скандал** вокруг продажи прав ведет в автошколы»; «Има опасност от **агресия** и **анархия**» («Есть опасность агрессии и анархии») [Труд, №14, 2013, с. 12]; «**Бедността и неравенството са ужасявящи**» («Бедность и неравенство ужасающие») [Труд, №14, 2013, с. 17].

Поэтому нельзя относиться к публицистике как к абсолютному зеркалу действительности, она лишь стремится отразить самые злободневные проблемы дня, причем сделать это «сочно» и «вкусно» для читателя.

Однако, несмотря на ощущение свободы, присущее современному человеку, создается впечатление, что в сердцах людей постоянно царят *тревога, шок, страх перед жизнью*, россияне все время «**на грани нервного срыва**». В мире, где теракты стали обыденностью, людей преследует страх, прежде всего страх за собственную жизнь: «*Очевидцы о теракте в Бостоне: это было очень **страшно**, мы не хотим бояться*» [КП, №20, 2013, с. 12]; «*В те года только **тряслись в страхе** и ждали, когда постучат в дверь*»; «*Женщина стояла, глядя на него **огромными от ужаса глазами***» [МК, №20, 2013, с. 23]; «*Команда немцев в этой игре **нагнала на нас страху***» [МК, №23, 2013, с. 25]. Поэтому довольно часто наблюдаются устойчивые выражения с семантикой страха.

Однако фразеологизмы современной русской речи вообще встречаются нечасто, эта же тенденция отмечается и в языке СМИ. Среди них отмечаются довольно разные устойчивые выражения, например: «*Перед нами оказался щупленький, коренастый человек с пустыми руками – таким образом, он **сбил нас с толку***» [МК, №20, 2013, с. 6]; «*Сейчас все эти предположения – это **гадание на кофейной гуще**...*» [МК, №20, 2013, с. 11]. Эмотивных фразеологизмов и того меньше. Наиболее частотны выражения с компонентом *душа*, имеющие семантику беспокойства, волнения: *оставить страшный след в душе, душевные терзания, кошки скребут на душе, до глубины души, душа болит, душа не на месте*. В текстах СМИ раздражение и досада выражаются при помощи таких фразеологизмов, как: *трепать нервы, лезть на стенку, сходить с ума*. Люди зачастую чувствуют себя разбитыми, усталыми, раздраженными: «*Мы просыпаемся уже в тоске, с плохими мыслями, хотя внешне все благополучно*» [Российская газета, №85, 2013, с. 12]. Если, согласно материалам СМИ, болгары в состоянии стресса впадают в депрессию, то исконная проблема русских – тоска. Многие исследователи утверждают, что это типично русский концепт. Так, например, Вежбицкая на примере концепта «тоска» убедительно показала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются посредством частичных – мозаичных – эквивалентов [1, с. 4]. С этим понятием в русском языке связано сразу несколько идиоматических выражений: *тоска по Родине, нагнать/развезать тоску, смертельная тоска*,

зеленая тоска. Мы же обращаем свое внимание на эмотивные фразеологизмы с компонентом *тоска*. Интересно, что в русском языке для обозначения интенсивной тоски используется постоянный эпитет *зеленая*, это выражение встречается и в публицистике: «Ведь жизнь без загадок – **тоска зеленая**...» [КП, №19, 2013, с. 10]. Это удивительно, ведь в культуре многих стран зелёный цвет считается цветом жизни, в исламе он означает зеленые сады рая. Психологи же однозначно утверждают, что зеленый успокаивает нервную систему, наши глаза отдыхают при восприятии оттенков зеленого цвета. Еще Остап Бендер в знаменитом романе «Золотой теленок» связывал зеленый с печальными ассоциациями: «Черный цвет – слишком траурно, – говорил Остап. – Зеленый уже не подходит. Это цвет рухнувшей надежды». Бендер так считал, потому что камеры в тюрьмах по обыкновению были зеленого цвета. Поэтому на страницах русскоязычных газет встречается такая ФЕ, как *накатила тоска*: «Примерно на 90 процентов населения нашей необъятной страны время от времени **накатывает тоска, даже весной**» [Российская газета, №86, 2013, с. 13].

Безусловно, на страницах и болгарских, и русских газет эмоции выражаются несколько гипертрофированно, отсюда *демонстративность чувств, сериальные страсти, громкие дела, безумные поступки, невероятные сенсации, дикие эмоции*: «**Неутихащата страст на Спас към иманярството и лесното забогатяване ще го отведе в нови абсурдни ситуации, изпълнени с напрежение, безумни страхове и комизъм**» («Неутихающая страсть Спаса к накоплению имущества и легкое обогащение приведет его к новым абсурдным ситуациям, исполненным напряжением, безумного страха и комизма») [Стандарт, №7209, 2013, с. 14]. Люди в своих бурных проявлениях страстей даже уподобляются животным: «**Зал взревел и принялся радостно прыгать**» [КП, №61, 2013, с. 31]. Поэтому фразеологизмы в газетных текстах репрезентируют сильные, зашкаливающие эмоции человека:

– крайняя степень удивления: «У меня **глаза на лоб полезли**, когда я увидел бегущую строку и номер своего билета» [МК, №20, 2013, с. 30]; «У пациентов **глаза на лоб полезли**, когда им выложили эту новую информацию о них самих на основании осмотра» [КП, №23, 2013, с. 45];

– яростный гнев: «Он **гневно кричал в голос**: “Говорить, что солдаты вермахта были рыцарями без страха и упрёка, это отвратительно”» [МК, №20, 2013, с. 23]; «**Педагоги метали в ее сторону громы и молнии**» [КП, №73, 2013, с. 11];

– сильная боль: «Как предполагают друзья, потому он и не женился, что его **сердце сжималось от боли** после гибели Люды» [КП, №61, 2013, с. 8];

– ужас, отчаяние: «Как тут не **схватиться за голову!**» [КП, №61, 2013, с. 30];

– слезы: «**Бужор Волочкову довел до слез**» [Уфимский меридиан, №14, 2013, с. 8];

– печаль, грусть: «Актер Евгений Миронов прощался с учителем **со слезами на глазах**» [КП, №73, 2013, с. 3]; «Как она упрашивала меня **со слезами на глазах** жениться на ней, так и я сейчас прошу у нее развода» [Уфимский меридиан, №17, 2013, с. 21].

Стоит заметить, что эти состояния вообще характерны для русских людей, глубоко эмоциональных по своей природе, способных остро переживать и реагировать на события.

В мире зашкаливающих эмоций люди теряют самообладание и приходят

в состоянии иступления: «*Катина, в свою очередь, вспоминала собственное «Евровидение» в 2003-м, когда они с Волковой ставили на уши Ригу и довели до белого каления режиссеров трансляции, в холодном поту державших пальцы на красной кнопке в аппаратной»* [МК, №20, 2013, с. 28]; «*Если же чаша терпения переполнена, русский человек восстает и раздражается с бешеной безумной силой»* [КП, №19, 2013, с. 6]. Они теряют последнюю надежду, самообладание, им всё надоедает до крайности: «*Иной раз бывает – идешь на работу и думаешь, насколько всё надоело, всё в печенках сидит, да гори всё синим пламенем!*» [МК, №20, 2013, с.7]; они с легкостью выходят из душевного равновесия: «*В день перед экзаменом лучше вообще ничего не решать, новых знаний не прибавится, а из колеи может выбить»* [КП, №73, 2013, с. 7]; переживают и нервничают: «*Во время четырех часового перелета до Салала четверо детей потрели мне нервы»* [Уфимский меридиан, №14, с. 5]; оказываются в безвыходном положении: «*После смерти сестры отец ушел с работы, стал пить, совсем дошел до ручки»* [КП, №18, 2013, с. 44], часто переживают и завидуют: «*При этом Ксюша должна была бы просто изгрызть себе все локти: она-то пахала куда больше, чтобы достигнуть такой вот известности среди народонаселения»* [МК, №19, 2013, с. 10]; досадуют и не знают, что делать в данной ситуации: «*Родители пока что чешут затылок»* [КП, №73, 2013, с. 11]; сомневаются: «*Вероника лишь смущенно пожимает плечами»* [МК, №23, 2013, с. 9], «*Папа после реплики врача в недоумении пожал плечами»* [КП, №23, 2013, с. 45]; выходят из себя: «*У человека существуют какие-то струны, которые можно задеть и вывести его из себя»* [КП, №23, 2013, с. 39].

Выражение негативных эмоций характерно и для болгарскоязычных СМИ: «*Главно им послание беше повече от ясно – трябваше да се всява страх и ужаси и то чрез найдемократичния метод – тоза на палките»* («Главное их послание было более чем ясно – нужно было посеять страх и ужас») [Дума, №43, 2013, с. 23]; «*Театърът като изкуство на живата споделеност цели да обърне огледалото навътре и да осъществи напрегнатия диалог на душата със самата себе си ту нехайно лекомислен и нелепо комичен, ту изпълнен с горчивина и мъка»* («Театр как искусство взаимности стремится повернуть зеркало внутрь человека и осуществить напряженный диалог души с собой, иногда небрежно легкомысленный и нелепо комичный, иногда исполненный горечи и страданием») [Дума, №43, 2013, с. 27].

Стоит заметить, что в текстах СМИ довольно частотны фразеологизмы, включающие названия частей тела: *изгрызть локти, схватиться за голову, сердце сжималось от боли, сердцем чуют, обеими руками за, сидит в печенках*. Часто встречаются ФЕ с компонентом *сердце*: «*Как заботливая мать сердцем чует, что “пятерка” в дневнике нерадивого отпрыска – это замазанная двойка, так и лидер либерал-демократов сразу заметил некоторые несостыковки в образовании замминистра»* [МК, №19, 2013, с. 11], «*На войне Тодоровский растерзал свое сердце»* [МК, №23, 2013, с. 27], «*Мое сердце сжимается, когда я понимаю, что Петра Ефимовича больше нет с нами»* [КП, №59, 2013, с. 12], «*Наконец, восторженный прием зрителей растопил суровое сердце народной артистки СССР, и она несколько песен исполнила вживую»* [Уфимский меридиан, №15, 2013, с. 4].

Образная семантика многих анализируемых ФЕ, используемых в текстах СМИ, реализует принцип антропоцентричности, в соответствии с которым эмоци-

ональные процессы ассоциируются с разнообразными аспектами биологической и духовной жизнедеятельности человека. Эту особенность мы отметили при анализе русско- и болгароязычных словарей. Во внутренней форме многих эмотивных ФЕ отражается процесс символизации и физических «составляющих» человека, частей тела и лица: головы, глаз, плеч, горла, сердца, затылка и др. Здесь отражен древний принцип, в соответствии с которым части тела человека воспринимаются как репрезентанты самого человека. Подобное представление было характерно еще для первобытной магии.

В случае с фразеологизмом *изгрызть себе локти* наблюдается трансформация всем известного фразеологизма *кусать себе локти* в *изгрызть себе все локти*. Глагол *кусать* в первом значении словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой означает «хватать, сжимать зубами или жалить раня» (*Собака кусает за ногу*) [3, с. 316], *изгрызть* же означает «сгрызть полностью» (*Мыши изгрызли мешок*) [3, с. 238]. Здесь автор также использует более «сильное» слово, чтобы довести описание эмоции до предела.

Тенденция к изображению сильных, пограничных эмоций отмечается и в череде положительных эмоциональных реакций, отсюда сладостный восторг: «*Я воспрянул духом и сердце запело от восторга при виде бесконечного пространства вокруг*» [КП, №19, 2013, с. 8], безудержный смех: «*И бесчисленные вопросы народы, и ваши пространственные ответы; и мы, у телевизора, сами не понимали, почему катаемся со смеху*» [МК, №19, 2013, с. 4], безграничное счастье: «*Родители теряют голову от счастья*» [МК, №23, 2013, с. 17], искренность: «*Ребята выступали от всей души*» [МК, №23, 2013, с. 9]. Присутствуют положительные эмоции и в болгарскоязычных газетных текстах: «*С радостью выходят к черной доске, и их сердца наполняются знаниями*» [24 часа, №250, 2011, с. 12], «*Изпитвам удоволствие от работата си като треньор на "Литекс", въпреки всичко*» («Испытываю удовольствие от работы тренера «Литекса», вопреки всему») [Труд № 14, 2013, с.17], «*Особено в условията на сегашната тежка криза европейският Север изглежда като оазис на спокойствие и благоденствие*» («Особенно в условиях сегодняшнего тяжелого кризиса европейский Север выглядит как оазис спокойствия и благоденствия») [Стандарт, №7209, 2013, с. 28], «*Те поканиха на честването Христо Стоичков и изнаднаха в неопишум възторг, когато се появи при тях*» («Они пригласили на чествование Христо Стоичкова и впали в неопишумый восторг, когда он появился перед ними») [Стандарт, №7209, 2013, с. 31], «*На седмото небе съм*» («Я на седьмом небе») [Стандарт, №6703, 2011, с. 25].

Подводя итог, можно сделать вывод, что приметой нашего времени становится использование современными СМИ лексики и фразеологии, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями, которые отражаются в семантике, коннотациях и ассоциациях используемых языковых единиц. Эта тенденция отмечается не только в русском, но и в болгарском языках.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. – – 416 с

Teoria i praktyka - znaczenie badań naukowych

2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003.
3. Сиротинина О.Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 8. – Саратов, 2008. – С.49-56.

DEVELOPMENT OF MEMORY CHILDREN AT ENGLISH LESSONS IN PRIMARY SCHOOL

All events go through a mental function as a memory in our life. Some events tend to linger in its cells for a long time, others only for the time it takes to reproduce the material. Memory - the ability not only to remember but also to forgetting. That is why children with low motivation to learn immediately forget the knowledge that just got in the classroom, the same effect is obtained if the teaching material is not enough emotionally colored, or a child all the time distracted from the educational process, and many other reasons prevent the retention of the educational material and therefore reduces the effectiveness of training [1].

Vygotsky L.S. pointed that as a child thinking, memory and imagination are inseparable [2, p.62-76]. Therefore, developing a mental function, we have to develop the rest. In primary school age dominated by creative thinking, as well as thinking is directly related to memory, then work on the development of memory is necessary to consider this age feature of cognitive processes. The method works with a lot of images gives the child. Children are very good at remembering stories, poems, rules, formulas, place names, historical dates, can reliably store up to 100 foreign words a day without cramming [5, p.374].

Knowledge of the student will be strong if they are acquired and secured in long-term memory as a result of his own creative work. English promotes children thinking, memory, attention, language skills for the development of a brief, clear and accurate presentation of their thoughts. That is why it is advisable memory develops in the process of learning it at English lessons [6].

Studies show that the development of children's memory is not so straightforward. Studying in comparative terms of productivity and visual memorization children of verbal material, the words concrete and abstract content, AA Smirnov, EV Faponova and other researchers have shown that the improvement of memory in children is much more complex than a simple replacement of one memorized the content of others. The younger the child, the greater the role in all of his cognitive activity play action. Therefore the motor memory is detected very early. Originally junior high school student learns better visual material: objects that surround the child and with whom he works, images of objects and people. Length of the memory material is considerably higher than memorizing verbal material [3].

Pupils remain in the memory of a particular material which is fixed in the memory with support for visual patterns and are important in the understanding of what is remembered. Worse remember that particular material, which has no bearing on the visual image (the name of geography, not related to the geographical map, description) and is not significant in the assimilation of what is remembered [7].

Involuntary memory continues to play a significant role in the accumulation of experience in primary school children, especially in terms of their active work. Take priority visual-shaped memory. This feature is caused by primary school children originality other mental processes, and first thought. Children this age are beginning